

098

Книгоиздательство „Трибуна“.

В. Медель.

(Буди)

Соціалдемократія

и

національний вопросъ.

К. Каутскій.

О національномъ вопросъ

— въ Россіи.

Рад. 147-2/III-50

ЦѢНА 12 КОП.

10

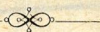
15.098

Львів. Бібліотека
АН. УРСР

В. Медемъ.

Соціалдемократія
и
національний вопросъ.

~~10.293.~~

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Буссея, Мытнинская наб., д. 9.
1906.

М. 86871
1919

Соціалдемократія и національний вопросъ.

I.

Въ области національнаго вопроса соціалдемократія дала несомнѣнно меньше, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ крупныхъ политическихъ вопросахъ. Въ то время, какъ въ разработкѣ буржуазныхъ ученыхъ, политиковъ и журналистовъ, національная проблема породила громадную литературу, съ неослабнымъ интересомъ развивающую, углубляющую и пропагандирующую буржуазныя воззрѣнія, соціалдемократическая пресса занималась и занимается ею въ несравненно меньшей степени и насчитываетъ лишь весьма ограниченное число произведеній, основательно и серьезно пытающихся въ немъ разобраться, эти немногія произведенія далеко не исчерпываютъ сложной и трудной задачи. Сплошь и рядомъ неразработанными остаются съ чисто соціалдемократической точки зрѣнія не столько детали конкретной политики, сколько нѣкоторыя общія понятія, исходныя предпосылки, лежація въ основѣ самой постановки всего вопроса, и непріятно рѣжутъ ухо встрѣчающіеся въ соціалдемократической литературѣ отзвуки господствующихъ въ буржуазномъ мірѣ понятій и настроеній, пробивающіе себѣ дорогу въ пролетарскій лагерь черезъ это, наименѣе укрѣпленное мѣсто его теоретической крѣпости; отзвуки, выражающіеся то въ націоналистическихъ ноткахъ, то въ ассимиляторскихъ настроеніяхъ, то въ характерныхъ для буржуазнаго міровоззрѣнія терминахъ и Schlagworte. Эта извѣстнаго рода идейная неопрятность, продуктъ недостаточно тщательной очистки своихъ взглядовъ и симпатій отъ привнесеннаго въ нихъ буржуаз-

наго хлама, нуждающагося въ довольно-таки упорной карантинной выдержкѣ, происходитъ не столько отъ сложности и запутанности самого вопроса;—сложность и запутанность затрудняютъ его конкретное разрѣшеніе, но не могутъ препятствовать его вѣрной постановкѣ въ согласіи съ общимъ принципиальнымъ міровоззрѣніемъ, тѣмъ болѣе, что это міровоззрѣніе по существу своему уже предрѣшаетъ эту постановку;—не столько отъ сложности, говоримъ мы, зависитъ эта неоприятность, сколько отъ того недостаточно внимательнаго отношенія, которое проявлялось къ данному вопросу со стороны большей части социалдемократіи.

Національный вопросъ нашего времени поставленъ на очередь буржуазіею. Буржуазія держитъ его понынѣ въ своихъ рукахъ, выдвигая его подъ давленіемъ своихъ экономическихъ интересовъ, накладывая на него свой неизгладимый отпечатокъ, неразрывно, органически связывая его съ цѣлымъ роємъ предрасудковъ, настроеній, взглядовъ, симпатій, по существу своему противорѣчащихъ чистой и ясной идеологіи пролетаріата, вредныхъ для социалдемократіи. Національная борьба ведется имущими классами, они играютъ въ ней первую скрипку, сводя между собою свои корыстные счеты,—вотъ почему психологически понятна свойственная еще не такъ давно многимъ и многимъ социалдемократамъ склонность къ полному отстраненію себя отъ всякаго участія въ этой буржуазно-націоналистической склокѣ, берущей отъ пролетаріата все и вознаграждающей его однимъ лишь запасомъ шовинистическихъ чувствъ. Многие и многие склонны были видѣть въ національномъ вопросѣ исключительно вопросъ грызущихся между собой разноплеменныхъ группъ буржуазіи, вопросъ о поединкѣ, въ которомъ пролетаріатъ, какъ третья, внѣстоящая сторона, не заинтересованъ ни на іоту, не долженъ принимать никакого участія.

Все это до извѣстной степени объясняетъ нѣсколько безучастное отношеніе социалдемократическихъ сферъ къ національному вопросу; объясняетъ, но, разумѣется, да-

леко, еще не оправдываетъ. И фактъ все же остается фактомъ: съ точки зрѣнія соціалдемократіи вопросъ не разработанъ: буржуазныя представленія по прежнему засоряютъ его; по прежнему налагаетъ на его постановку свой реакціонный отпечатокъ буржуазный укладъ мысли—отраженіе классовыхъ вождельній тѣхъ или иныхъ слоевъ имущихъ классовъ.

Постараемся охарактеризовать этотъ укладъ мысли въ связи съ его классовой основой.

Господствующую въ рядахъ буржуазіи національную политику отличаютъ два различныхъ,—на первый взглядъ, по крайней мѣрѣ—типа взглядовъ, подчасъ причудливо перемѣшивающихся между собой. Ассимиляторство съ одной стороны, націонализмъ—съ другой.

Націонализмъ разлился по всѣмъ народамъ: ассимиляторство сравнительно рѣдкое растеніе. Нигдѣ не расцвѣло оно такъ пышно, какъ на еврейской почвѣ; здѣсь мы и постараемся прослѣдить его.

Великій промышленный переворотъ, ликвидировавшій средневѣковый экономическій строй, открылъ новую эру капиталистическаго хозяйства. На смѣну старому, зачехленному въ фиксированныхъ разъ навсегда шаблонахъ крѣпостничеству, пытавшемуся втиснуть развивавшіяся отношенія въ мертвый остовъ традиціоннаго строя, народившаяся буржуазія создавала новый міръ. Она ломала старыя перегородки, срывала межевые столбы, рвала спутывавшія ее узы и провозглашала принципъ полной свободы развитія созрѣвшихъ экономическихъ силъ. Молодая промышленность, сильная и импульсивная, требовала себѣ простору; она протестовала противъ всѣхъ преградъ, возмущалась всякими юридическими неравенствами, всякими привилегіями сословія, религіи или націи. Ея идеаль—свободная конкуренція свободныхъ хозяйствующихъ единицъ, очищенныхъ отъ всякихъ правовыхъ наростовъ; ей нужна чистая, не осложненная никакими посторонними примѣсями, экономическая борьба за существованіе. По-

бѣда болѣе приспособленному, гибель болѣе слабому. Она мечтала объ абстрактныхъ атомахъ человѣческаго общества, внѣ сословія, племени, націи и расы; абстрактный «гражданинъ и человѣкъ» былъ для нея основной клѣточной общественнаго организма.

Пригрѣтое теплымъ солнцемъ буржуазной весны, выглянуло изъ своего многовѣкового гетто и традиціонное еврейство. Старые рыцари накопленія, піонеры капиталистическаго хозяйства почувствовали себя въ новой атмосферѣ буржуазной жизни, какъ рыба въ водѣ. Обновленный капиталистическою прививкой міръ принялъ ихъ въ свои объятія. Заодно со стѣнами Бастиліи рушились и стѣны гетто, евреи выходили на волю и бросались въ вихрь бѣшеннаго капиталистическаго водоворота, стирающаго старыя разичія, мобилизующаго все и вся, распускающаго старыя группировки, завязывающаго новыя связи.

Въ системѣ, построенной на абстракціи очищеннаго отъ сословія, религіи и племени гражданина, и еврей могъ найти себѣ мѣсто и признаніе, взятый внѣ своей религіи и національности, становился и онъ такимъ же общечеловѣкомъ, какъ нѣмецъ и французъ. Въ качествѣ этого «очищеннаго» человѣка вступалъ еврей въ кругъ новыхъ хозяевъ положенія, ревностно примѣнявшихъ на практикѣ лозунгъ, формулированный позднѣе устами Гизо: *enrichissez vous*! (обогащайтесь).

Падали стѣны гетто, рушились соціальныя перегородки. Но отголоски старой психологіи еще слишкомъ живы были въ душѣ еврея; слишкомъ ярко запечатлѣлся въ ней накопленный за многіе годы опытъ, слишкомъ сильно было недовѣріе къ тѣмъ, кто еще такъ недавно травилъ и гналъ его. Къ тому же нельзя было и теперь не замѣтить зловѣщихъ симптомовъ; наряду съ космополитическимъ гуманизмомъ, видѣвшимся въ еврей общечеловѣка-гражданина, то здѣсь, то тамъ проявлялась традиціонная ненависть къ еврею со всѣми ея обычными аксессуарами, вплоть до погромовъ включительно. Паденіе юридическихъ стѣнъ далеко

не всегда поспѣвало за измѣнявшимися соціальными отношеніями. Права, которыя великодушно давались евреямъ торжествующей буржуазіей въ пылу революціоннаго увлеченія, были непрочны; они не были завоеваны, они были получены въ подарокъ не подъ напоромъ силы, а во имя абстрактнаго принципа равноправія. Въ весенней атмосферѣ эмансипаціи еврей чужалъ отголоски старой, суровой зимы. Ревностно обезпечивая за собою участіе на равныхъ правахъ въ роскошномъ ширшествѣ торжествующаго капитализма, онъ чужалъ, этотъ старый скептикъ, ту разницу которая имѣлась между нимъ и «кореннымъ» жителемъ. Сильный и гордый своимъ могуществомъ буржуа изъ числа «исконнаго» населенія приобрѣталъ права общечеловѣка, охранялъ ихъ и пользовался ими, оставаясь тѣмъ же французомъ и нѣмцемъ; еврей, робкій и забитый, привыкшій встрѣчать презрѣніе и самъ заражающійся этимъ презрѣніемъ къ своей національности, видѣлъ прочное обезпеченіе себѣ правъ въ отказѣ отъ своего національнаго обличья. Для того, чтобы стать общечеловѣкомъ, ему надо было стать французомъ или нѣмцемъ.

Получается такое положеніе. Съ одной стороны, соціальная пропасть между евреемъ и христіаниномъ не зияетъ уже такъ, какъ это было въ средніе вѣка; хозяйственный оборотъ перекинулъ чрезъ нее тысячи мостовъ. Чувство отпора, заставлявшее еврея чураться всего не-еврейскаго и замыкаться въ своемъ гетто подобно улиткѣ, ослабло. Сліяніе съ окружающимъ міромъ стало возможно.

Съ другой стороны, окружающій міръ манилъ. То былъ громадный, богатый рынокъ, при видѣ котораго алчно разгорались глаза у привычнаго хищника-буржуа. Надо обезпечить себѣ мѣсто у общественнаго пирога, втереться на этотъ рынокъ. Но для этого мало сліянія, для этого необходимо уподобленіе. Надо не только сломить перегородки, надо стереть всякія различія, заставить позабыть обо всемъ томъ, что подъ общей покрывкой гражданина можетъ обнаружиться еврейскую подкладку; изгладить все то, за что

можетъ ухватиться очнувшійся отъ своего либеральнаго угара «коренной» буржуа,—ухватиться и отѣснить отъ пользованія пирогомъ. На почвѣ этой-то психологіи слабого и алчнаго буржуа раздается лозунгъ: ассимилируйтесь!

Ассимилируйтесь—значить истребляйте все то, что такъ или иначе даетъ возможность усмотрѣть въ «общечеловѣкѣ» его еврейскую суть. Ассимилируйтесь—значить отдѣляйтесь тщательно и заботливо отъ всего того, что отличаетъ васъ отъ вашего согражданина другой націи. Религія служить такимъ отличіемъ,—долой моисеевъ законъ, и да здравствуетъ христіанство. Языкъ проводить грань между евреемъ и иновѣрцемъ—долой языкъ, забвеніе и опала ему. Бытовые особенности, костюмъ, манеры выдають ваше происхожденіе—тщательныя старанія о томъ, чтобы отдѣлаться отъ этихъ особенностей, усвоить чужія манеры, перенять чужой костюмъ.

Ассимилируйтесь! Уподобляйтесь! Отрицайте ваше происхожденіе, смѣйтесь надъ всѣмъ еврейскимъ, отплевывайтесь съ презрѣніемъ, слышавъ «грязный» жаргонъ утверждайте съ пафосомъ, ударяя себя въ перси, что еврейской національности нѣтъ, что евреи не нація, а только религіозное сообщество.

Уподобляйтесь! Ибо только такимъ путемъ сможете вы на равныхъ правахъ съ господствующими въ странѣ хищниками урывать жирные и лакомые куски. А потому, долой свое, да здравствуетъ чужое!

Откидываются всѣ обычные критеріи для оцѣнки культурныхъ и политическихъ благъ, для различенія общественнаго добра и зла. Производится на новыхъ началахъ «переоцѣнка всѣхъ цѣнностей». Это дѣлается съ точки зрѣнія особаго ассимиляціоннаго критерія: чужое хорошо, потому что оно чужое; свое плохо, потому что оно свое.

Та же капиталистическая эволюція, которая создала ассимиляторство, вызвала къ жизни и противоположное (въ извѣстномъ лишь смыслѣ) направленіе: націонализмъ:

Развивающіяся отношенія капиталистическаго хозяй-

ства порождали новые общественные организмы. Демократизировалась общественная жизнь, политика, культура; установилась тѣсная связь между всѣми отдѣльными ячейками современнаго общества, которыя, теряя свою самостоятельность, выходя изъ состоянія оторванности, срастались въ единое, органическое цѣлое. Нарождалась національность въ современномъ смыслѣ этого слова.

Народныя особенности, таившіяся донинѣ въ общественныхъ низахъ, выражавшіяся въ своеобразіи быта и языка и накрытыя покровомъ однообразной общеевропейской государственности, накопляясь и пробиваясь къ верхамъ, прорвались, наконецъ, наружу, наложили свой отпечатокъ на безличную дотолѣ покрывку государственности и культуры, окрасили государства въ національные цвѣта, создали національныя политическія индивидуальности. Это выступленіе національныхъ организмовъ на арену политической жизни, разумѣется, не могло совершиться безъ столкновенія и путаницы. Силою независимыхъ отъ націй обстоятельствъ, силою завоеваній, присоединеній и раздѣловъ цѣлыя группы націй оказались сдавленными въ одну общую политическую организацію; другія націи оказались разорванными на отдѣльныя части, изъ нихъ нѣкоторыя жили самостоятельно, нѣкоторыя были спаяны съ инородными элементами. Насильственная спайка вела за собою подавленіе и гнетъ; насиліе же вызывало реакцію. Завязывалась борьба. Недаромъ XIX вѣкъ названъ вѣкомъ національностей; національная борьба заполняетъ его лѣтописи; угнетенныя національности поднимаютъ знамя возстанія; открывается нескончаемая эпопея столкновений и распрей.

Буржуазія беретъ въ свои руки національную борьбу и ведетъ ее подъ знакомъ націонализма. Подъ этимъ знакомъ ведется борьба съ обѣихъ сторонъ, со стороны наступающей и со стороны обороняющейся.

Мы подчеркиваемъ, что подъ однимъ и тѣмъ же знакомъ націонализма борьба велась съ обѣихъ сторонъ, что

проникнуты были націонализмомъ оба лагеря: угнетенныхъ и угнетателей. Что же такое этотъ націонализмъ?

Уже изъ того одного, что онъ общъ обоимъ лагерямъ, ясно, какъ глубоко ошибаются тѣ, кто отождествляетъ понятія: «націонализмъ» и «борьба за національное освобожденіе». Націонализмъ проявляется въ двухъ видахъ—въ формѣ подавленія и въ формѣ освободительной борьбы. Между этими двумя видами есть крупное различіе, но ихъ объединяетъ именно то, что интересуется насъ въ данномъ случаѣ: и то, и другое—націонализмъ. Очевидно, что если мы желаемъ опредѣлить суть этого явленія, мы должны его искать не въ томъ, что отличаетъ одинъ его видъ отъ другого, а въ томъ, что ихъ объединяетъ между собою, въ томъ, что у нихъ есть общаго. Очевидно, что націонализмъ нужно усматривать не въ самомъ фактѣ эмансипаціонныхъ національных стремленій, потому что можно съ одной стороны быть націоналистомъ—угнетателемъ, а съ другой—сражаться за національное освобожденіе и быть чуждымъ всякаго націонализма. Очевидно, что не въ самихъ политическихъ требованіяхъ надо искать основныхъ признаковъ націонализма, потому что на однихъ и тѣхъ же политическихъ требованіяхъ могутъ временно сходиться враждебныя по всему своему существу націи. Ясно, значитъ, что въ поискахъ за опредѣленіемъ націонализма надо обратиться къ основнымъ предпосылкамъ, лежащимъ въ корнѣ всѣхъ видовъ и оттѣнковъ этого явленія. Здѣсь, въ специфической буржуазной постановкѣ національнаго вопроса надо искать разгадки.

Корень національной борьбы въ той ея формѣ, которая свойственна капиталистическому строю, лежитъ въ стремленіи буржуазіи господствующей національности монополизировать въ свою пользу внутренній рынокъ. Для достиженія этой монополии недостаточно чисто механически, путемъ юридическихъ и административныхъ ограниченій, устранять съ рынка «инородцевъ», нужно еще насильно растворять ихъ въ господствующей національности, уни-

что жать все то, что образуетъ ихъ національное обличіе, и прежде всего *различія языка, которыя являются та-
кой же помѣхой свободному обращенію товаровъ внутри
государства, какъ таможенныя пошлины между госу-
дарствами* (курсивъ нашъ) ¹⁾.

Буржуазія борется за рынки; рынокъ очерчивается (въ значительной мѣрѣ) національными границами; борьба за рынокъ превращается въ борьбу за національность. Если данная нація принадлежитъ къ числу правящихъ, то, желая обезпечить себѣ сбытъ среди чуждыхъ ей по національному составу массъ потребителей, она жаждетъ слить ихъ съ собою, перекрасить ихъ изъ одного національнаго цвѣта въ другой, и пользуется для этого правительственнымъ аппаратомъ. Буржуазія угнетенной націи не имѣетъ въ своемъ распоряженіи органовъ государственной власти, этихъ могущественныхъ средствъ принужденія; не будучи въ силахъ нападать, она вынуждена ограничиться политикой обороны; не будучи въ состояніи рассчитывать на удачное вторженіе въ чужой рынокъ съ цѣлью оторвать и присвоить себѣ его часть, она вынуждена ограничиваться защитой и укрѣпленіемъ своего рынка. А это значитъ,— въ переводѣ на языкъ національной борьбы,—заниматься закрѣпленіемъ національнаго своеобразія данной націи. И та, и другая стремится къ доведенію до максимальной цифры числа своихъ кліентовъ, числа членовъ своей національности; одна, болѣе сильная,—путемъ расширенія своего національнаго контингента за счетъ другой; другая, болѣе слабая,—путемъ заботъ о томъ, чтобы не сокращался хотя бы и прежній контингентъ.

Различіе между ними чисто внѣшнее: стоитъ измѣниться соотношенію силъ, мѣняется политика, мѣняются и роли.

Въ тѣхъ областяхъ Австріи, въ которыхъ нѣмцы имѣютъ перевѣсъ надъ чехами, они ведутъ наступательную

¹⁾ Вѣстн. Бунда № 1-2, стр. 4-5

политику онѣмечиванія; чехи обороняются, стремясь обезопасить себя отъ этого отрыванія частицъ своей націи; борьба идетъ подъ знакомъ угнетенія съ нѣмецкой, подъ знаменемъ освобожденія съ чешской стороны. Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ отношеніе силъ обратное, діаметрально противоположны и роли: чехи наступаютъ, славянизируя нѣмцевъ, нѣмцы переходятъ на положеніе обороны.

Въ 1849 г. мадьяры подняли знамя возстанія противъ Австріи; угнетенные, они боролись противъ насильниковъ. Но въ то же время у себя дома они играли роль такихъ же насильниковъ по отношенію къ сербамъ, кроатамъ и румынамъ, находившимся подъ ихъ властью.

До тѣхъ поръ, пока Шлезвигъ-Гольштейнъ находился въ датскомъ подданствѣ, нѣмцы боролись противъ датскаго гнета во имя нѣмецкой національной идеи. Когда вмѣстѣ съ нѣмецкой землею къ Германіи была присоединена и часть территоріи, населенной датчанами, тѣ же нѣмцы стали угнетать тѣхъ же датчанъ во имя той же «национальной идеи».

Какъ видите, разницу *по существу* между этими двумя видами національной политики найти невозможно, различіе лишь въ соотношеніи силъ.

Общая для націоналистовъ всѣхъ видовъ идеологія опредѣляется общимъ строемъ ихъ интересовъ. Интересъ націоналиста—обезпеченіе рынка, круга потребителей, арены для дѣятельности—на почвѣ ли сбыта матеріальныхъ товаровъ, или же спроса на «услуги» интеллигентовъ либеральныхъ профессій. Контингентъ потребителей опредѣляется распространенностью и интенсивностью національной окраски. Торжество національной окраски—идеаль націоналиста. И такъ какъ національная окраска выражается въ языкѣ и культурѣ, то погоня за рынками превращается въ борьбу за національный характеръ культуры. Борьба за сбытъ облекается въ форму благороднаго поединка въ защиту національной идеи. Рыночный—если можно такъ выразиться—интересъ наталкиваетъ на охрану,

взращиваніе, культивированіе всего того, что характерно для національнаго обличья. Развивается потребность фиксировать, укрѣплять и поддерживать все національное, все специфическое, потому что это закрѣпленіе равносильно фиксаціи рынка, обезпеченію этого рынка противъ отпаденія отъ него отдѣльныхъ атомовъ или цѣлыхъ массъ; оно повышаетъ устойчивость рынка и ограждаетъ отъ вторженія инородныхъ конкурентовъ. Національныя различія замѣняютъ таможенныя грѣницы; націоналисты углубляетъ эти различія, расширяетъ пограничныя рвы культурнаго своеобразія, стремится обнести свои владѣнія прочной стѣной отдѣльной государственной организаціи, укрѣпить отдѣльнымъ аппаратомъ чиновничества и войска; онъ становится фанатикомъ политической независимости, какъ абсолютнаго блага. Въ соперничествѣ между національностями онъ начинаетъ усматривать суть челоѣческой исторіи. Борьба за національный «духъ» для него высшій соціологическій законъ. Предъ этимъ основнымъ началомъ ступшевыаются всѣ прочіе антагонизмы, блѣднѣютъ или вовсе исчезаютъ соціальныя противорѣчія. Умственный кругозоръ заполняется борьбою на міровой аренѣ ряда національных «сущностей», конкурирующихъ между собою за культурную гегемонію. Верховныя задачи челоѣка опредѣляются его національнымъ бытіемъ.

Высшая миссія нѣмца сражаться во славу «германства»—Germanenthum или Deütschthum—противъ иныхъ національных «духовъ: Slaventhum, Judenthum, Polenthum... Предъ русскимъ открывается широкая задача защиты заложеннаго во всей его исторіи «истинно-русскаго духа» противъ цѣлой серіи интригъ—польской, еврейской, армянской, финляндской, задача перевариванія всѣхъ «интригановъ» во всеобъемлющемъ, всепоглощающемъ русскомъ котлѣ... Еврей стремится къ возрожденію своего національнаго «духа» на «исторической» территоріи; онъ мечтаетъ о *еврейскомъ* государствѣ—и это слово «еврейское» звучитъ для него заманчиво, съ какимъ-

то мистическимъ романтизмомъ онъ лелѣетъ іудаизмъ, этотъ экстрактъ изъ своеобразныхъ, характерныхъ чертъ, выработанныхъ въ ходѣ еврейской исторіи.

Въ совокупности специфическихъ особенностей *своей* культуры, проводящихъ демаркаціонную линію между нимъ и другимъ народомъ, въ томъ, что дѣлаетъ его русскимъ въ отличіе отъ нѣмца или нѣмцемъ въ отличіе отъ русскаго, въ этомъ видитъ для себя самое важное, самое дорогое буржуа-націоналистъ. Здѣсь лежитъ нѣчто, подлежащее самымъ старательнымъ заботамъ; сюда вкладываетъ онъ свою общественную энергію, здѣсь центральное мѣсто его поля зрѣнія. Соціальные антагонизмы попадаютъ въ мертвую точку.

Различныя разновидности порождаютъ различныя отѣнки идеологіи. Опирающійся на гигантскую армію и флотъ наступательный націонализмъ усваиваетъ себѣ гордую, блестящую и отвратительную до безконечности фразеологію прошлаго имперіализма, бряцающаго мечами, воплощающаго въ окованномъ бронею кулакѣ «великую идею» національной миссіи народа, несущаго въ міръ нѣкіе новые завѣты. Робкій націонализмъ мелкаго буржуа принимаетъ иную окраску; загнанный и слабый, ежечасно вышибаемый изъ сѣдла выростающими вокругъ него новыми отношеніями, вытѣсняемый опутывающимъ его со всѣхъ сторонъ крупнымъ капиталомъ, онъ теряетъ подъ ногами всякую почву; онъ мечется изъ стороны въ сторону, хватается за первое попавшееся средство; живя идеалами прошлаго, котораго онъ не въ силахъ воротить, ничего не ожидая отъ будущаго, котораго онъ не можетъ понять, онъ бросается въ объятія первому попавшемуся авантюристу и мистификатору. Поддаваясь миражу націоналистической агитаціи помогающей ему закрывать глаза на истинныя общественныя отношенія, столь грозныя и безотрадныя для него, онъ даетъ себя увлечь—если онъ не еврей—потоку антисемитическихъ настроеній, переводя на національный языкъ борьбу противъ крупнаго капитала, которую онъ въ ея

чистомъ видѣ вести не въ силахъ. Если онъ еврей, то къ заботности и растерянности экономически слабаго онъ присоединяетъ специфическія особенности рабской психологіи гетто. Даже окутавъ свой классовый интересъ въ оболочку національныхъ требованій, онъ и то не въ силахъ бороться за эти требованія, и о нихъ онъ можетъ только мечтать. Смотрѣть жизни въ глаза онъ не въ силахъ, онъ слабъ, измученъ, боязливъ; ему страшна жизнь, онъ грезитъ; грезитъ о самостоятельности и свободѣ, грезитъ о своей территоріи, которая дастъ ему свою культуру... свой рынокъ. Онъ одурманиваетъ себя угаромъ націоналистическихъ фразъ, маскируя идеалистическимъ пустословіемъ свое общественное безсиліе и политическое банкротство.

Но довольно. Оттѣнки различны, *сущность* одна. Эта сущность—культъ національности; культъ «своего» въ противность «чужому»; работа во славу этого «своего», для торжества его надъ «чужимъ»: національный интересъ и національное своеобразіе, какъ краеугольный камень всей соціально-политической постройки. Вотъ основная черта націонализма, свойственная всѣмъ его оттѣнкамъ, общая Бисмарку и Дубнову, Рошфору и Ахадъ-Гааму.

Подведемъ итоги сказанному.

Представимъ себѣ человѣчество въ видѣ ряда окрашенныхъ въ различные національные цвѣта площадей (понимаемыхъ, конечно, не въ географическомъ смыслѣ), тѣсно соприкасающихся одна съ другой. Подъ вліяніемъ внутренней эволюціи и внѣшнихъ столкновеній, площади мѣняютъ свои размѣры и нюансы своей окраски. Одна площадь сгущаетъ свой цвѣтъ, увеличиваетъ свой размѣръ, поглощая частицы, оторвавшіяся отъ другихъ площадей. Другая претерпѣваетъ обратную метаморфозу.

Возьмите представителей двухъ теченій, охарактеризованныхъ нами выше, теченій, о которыхъ мы сказали, что они противоположны лишь на первый взглядъ; возьмите націоналиста и ассимилятора и сравните ихъ отношенія къ судьбѣ нашихъ площадей.

Націоналисть стремится довести свою площадь до максимума ширины, до крайней интенсивности окраски.

Ассимилятору его площадь тѣсна и неудобна. Онъ не видитъ въ ней, взятой въ отдѣльности, достаточно почвы, достаточнаго рынка. Онъ хочетъ растворить ее въ чужой.

Націоналисть укрѣпляетъ и увеличиваетъ свою площадь. Ассимиляторъ переходитъ на чужую площадь и укрѣпляетъ ее. Націоналисть дорожитъ всѣмъ своимъ, ибо оно отмежевываетъ его отъ чужого. Ассимиляторъ дорожитъ всѣмъ чужимъ, ибо оно избавляетъ его отъ своего. Націоналисть фиксируетъ свою національную физиономію въ противоположность чужой; ассимиляторъ искореняетъ свои специфическія черты во славу чужой національности. И тотъ и другой озабочены судьбой національнаго обличья, и тотъ и другой стремятся воздѣйствовать на національную окраску, и тотъ и другой живутъ въ мірѣ національных «сущностей», оперируютъ національными «духами». Разно разрѣшая вопросы, они одинаково ставятъ ихъ; проводя разную политику, они исходятъ изъ общихъ предпосылокъ. Уголъ зрѣнія одинъ и тотъ же. Оба вращаются въ одной и той же идейной плоскости, оба руководятся однимъ и тѣмъ же масштабомъ для оцѣнки политическихъ и соціальныхъ благъ. Сущность этого масштаба: различіе своего и чужого. Вотъ почему ассимиляторъ по отношенію къ евреямъ можетъ быть въ то же время націоналистомъ по отношенію къ русскимъ.

Ассимиляторство по существу своему тотъ же націонализмъ, проводимый въ обратномъ направленіи. Ассимиляторъ—это націоналистъ, вывороченный на изнанку.

Въ своихъ «письмахъ о старомъ и новомъ еврействѣ» Дубновъ дѣлаетъ слѣдующую справку изъ исторіи евреевъ:

«Хасидеи и эллинисты—иначе говоря, націоналисты и ассимиляторы—эпохи маккавейскихъ войнъ расходились между собой въ опредѣленіи самой цѣли существованія еврейства. Хасидеи полагали, что еврейство, не желая раствориться въ языческомъ мірѣ, должно существовать только

въ видѣ рѣзко обособленной культурной и національной единицы; эллинисты же думали, что іудейскій народъ долженъ приспособиться къ греческой культурѣ—идеалу тогдашняго міра, хотя бы въ ущербъ своей духовной самобытности... Это былъ споръ о самомъ бытіи или небытіи еврейства въ качествѣ особой націи, вѣковѣчный споръ націонализма съ ассимиляціей» ¹⁾).

Вы видите, надъ чѣмъ задумываются ассимиляторы и націоналисты, изъ-за чего они расходятся между собою: изъ-за опредѣленія «самой цѣли существованія еврейства», изъ-за спора о томъ, каковы задачи еврейской націи, какъ таковой. Вы видите, какъ изъ умственного кругозора буржуазныхъ идеаловъ совершенно вытѣсняется самое представленіе о противорѣчіяхъ *внутри* этой націи, о борьбѣ раздражающей ее на два враждебные лагеря. Во главу угла ставится національный интересъ, и предъ нимъ исчезаетъ и ступшевается интересъ класса. Смолкаетъ призывъ къ классовой борьбѣ, заглушенный проповѣдью сплоченія всѣхъ подъ знаменемъ единой идеи общенародныхъ задачъ.

«Идея народности—говоритъ Градовскій—предполагаетъ полную *солидарность* ²⁾ между всѣми слоями общества отъ высшаго до низшаго» ³⁾).

Нація есть великая солидарность—говоритъ Ренанъ—какъ результатъ священныхъ чувствъ къ принесеннымъ жертвамъ и тѣмъ, которыя будутъ принесены въ будущемъ... Имѣть общую славу въ прошломъ, общую волю въ настоящемъ; совершать вмѣстѣ великіе подвиги, желать ихъ еще совершать въ будущемъ,—вотъ существенное условіе бытія народа» ⁴⁾).

Эта краснорѣчивая фразеологія убѣдительно всего го-

¹⁾ Книжки „Восхода“, 1901, XI, стр. 5.

²⁾ Курсивъ подлинника.

³⁾ Градовскій, собр. соч., т. VI, стр. 240, „Национальный вопросъ“.

⁴⁾ Ренанъ, „Что такое нація“.

Львівська державна
наукова бібліотека

М. 2869

ворить о буржуазномъ характерѣ защищаемаго ею теченія. Тамъ, гдѣ идетъ проповѣдь всенародной любви и братства, навѣрное, таятся интересы буржуазіи, всегда маскирующей свои корыстные вождельнія фикціей общенароднаго блага.

Проповѣдь всенародной солидарности—это проповѣдь отказа отъ классовой борьбы, это проповѣдь примиренія пролетаріата съ буржуазіей, а значитъ его идейнаго подчиненія ей, его матеріальнаго рабства. Подъ идеалистическимъ пустословіемъ лишній разъ обнаруживается интересъ алчной и фальшивой буржуазіи.

Мы установили общія для всей буржуазной политики черты, равно свойственныя ассимиляторству и націонализму. Судьба національныхъ коллективностей озабочиваетъ ихъ прежде всего. Интересы націи—ихъ девизъ: задачи націи, какъ единого, нераздѣльнаго и солидарнаго цѣлаго, опредѣляютъ ихъ политику, заботы о національномъ своеобразіи или національномъ обезличеніи заполняютъ содержаніе послѣдней.

Такова позиція буржуазіи въ національномъ вопросѣ. Такова ея идеологія, проявляющаяся иной разъ въ чистомъ и полномъ видѣ, иной разъ примѣшивающаяся болѣе или менѣе мелкими дозами къ истинно прогрессивнымъ взглядамъ и заражающая ихъ реакціоннымъ ядомъ...

Какова же должна быть позиція соціалдемократіи?

Мы выше сказали, что общій строй соціалдемократическаго міровоззрѣнія уже предрѣшаетъ по существу своему постановку національнаго вопроса, единственно правильную и прогрессивную. Во всей системѣ своихъ взглядовъ и всей своей дѣятельности, въ своей теоріи и практикѣ соціалдемократія руководится однимъ основнымъ принципомъ—классовой пролетарской борьбы. Это не только главная основа всей нашей работы, это ея *единственная* основа, и въ этомъ монизмъ фундамента, который подведенъ подъ наше соціально-политическое зданіе, заключается одно изъ наиболѣе серьезныхъ условій успѣха пролетарской партіи. Классовая пролетарская борьба, интересы

ея широкаго развитія—основной масштабъ, прикладываемый ко всѣмъ явленіямъ общественной и политической жизни, ко всѣмъ задачамъ, выдвигаемымъ ею, ко всѣмъ способамъ, предлагающимся для ихъ разрѣшенія. Съ точки зрѣнія этого и только этого верховнаго критерія мы подходимъ ко всѣмъ вопросамъ, при его помощи мы ихъ рубрицируемъ, даемъ имъ оцѣнку, отводимъ каждому надлежащее мѣсто въ общей, цѣлостной системѣ марксистскаго міровоззрѣнія, соц.-дем. политики. Съ этимъ сувереннымъ мѣриломъ въ рукахъ подходимъ мы и къ національному вопросу, ему подчиняемъ мы и національную проблему, включая ее въ общую цѣпь всей нашей системы, какъ отдѣльное, подчиненное цѣлому, звено.

Охраняя рынокъ, націоналистъ возводитъ національное начало въ принципъ, придаетъ ему абсолютную цѣнность. Втираясь на чужой рынокъ, ассимиляторъ силится стряхнуть національное обличіе. Не зная погони за рынками, чуждые грызни конкурирующихъ между собою группъ буржуазіи, мы далеки отъ борьбы за національныя „сферы вліянія“, мы чужды національнаго фетишизма. Мы не знаемъ культа національнаго своеобразія, не знаемъ поклоненія національному обезличенію. Мы такъ же мало стремимся къ фиксаціи національныхъ особенностей, какъ и къ вытравливанію національнаго „духа“. Наши задачи и интересы вращаются въ совершенно иной плоскости; въ область націоналистическихъ и ассимиляторскихъ тенденцій, мы, оставаясь вѣрными себѣ, не можемъ перекинуть никакого моста; они для насъ нѣчто вроде четвертаго измѣренія.

Каковы задачи и цѣли націи? Въ какую сторону направить національное развитіе? Этихъ вопросовъ для насъ прямо - таки не существуетъ, какъ не существуетъ у насъ тѣхъ классовыхъ интересовъ, которые ихъ выдвигаютъ. Наши задачи лежатъ въ совсѣмъ иной сферѣ; вопросы, которые мы рѣшаемъ, ставятся совсѣмъ иначе.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое это національное начало, фетишь буржуазнаго идеолога? Что такое та національная

культура, которая такъ его беспокоитъ? Гдѣ таится мистическій національный духъ?

Національной культуры, какъ чего-то самостоятельнаго, какъ замкнутаго круга со своеобразнымъ *содержаніемъ*, вообще говоря, не существуетъ. Національна лишь та своеобразная *форма*, въ которую выливается общечеловѣческое содержаніе. Одна и та же — въ общихъ чертахъ — схема культурной жизни, реализуясь въ различныхъ общественныхъ обстановкахъ, принимаетъ различныя окраски, различныя національныя формы, обусловливаемыя именно той обстановкой, въ которой ставятся и рѣшаются общественныя задачи, въ которой разыгрываются общественныя столкновѣнія, въ которой протекаетъ общественная жизнь, созрѣваютъ идейныя теченія. Различно окрашенная національная среда различно окрашиваетъ попадающій въ нее лучъ общественной жизни, соціальной борьбы.

Развивается жизнь, видоизмѣняются отношенія, сталкиваются идеи, и внутри всего этого сложнаго и запутаннаго процесса таится позвоночникъ общественной эволюціи, вѣрнѣе, основной ея рычагъ—борьба классовъ.

Мы прикладываемъ наши силы къ этому рычагу и вращаемъ его такъ, какъ это намъ нужно; враждебныя силы направляютъ его въ обратную сторону. Мы боремся, въ соотвѣтствіи съ основою борьбы группируются съ обѣихъ сторонъ вторичныя, производныя элементы, устанавливаются юридическія отношенія, намѣчаются узоры идейныхъ теченій, слагается тотъ или иной психологическій типъ, словомъ, развертывается жизнь во всей своей сложности, во всемъ своемъ многообразіи. Беремъ эту развернувшуюся въ рамкахъ даннаго національнаго организма жизнь, сравниваемъ ее съ картиной другихъ національных коллективностей. Мы замѣчаемъ сходство, замѣчаемъ и различіе: языкъ не тотъ, психика иная, не тѣ комбинаціи общественныхъ силъ, юридическихъ отношеній и пр. Позвоночникъ тотъ же, окутывающія его оболочки различны. И что же, имѣетъ ли для насъ это различіе оболочекъ значеніе? Нуж-

но намъ, чтобы это различіе существовало, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ позвоночникъ былъ окутанъ въ качественно своеобразныя формы? Можемъ мы заботиться объ охраненіи и закрѣпленіи этихъ отличій?

Разумѣется нѣтъ. — Мы не націоналисты.

Враждебно ли мы смотримъ на эти различія? Нужно ли и важно ли намъ, чтобы позвоночники скрывались въ одинаковыхъ оболочкахъ? Заботимся ли мы, чтобы разнообразіе смѣнилось единообразіемъ національныхъ формъ?

Разумѣется нѣтъ. — Мы не ассимиляторы.

Мы ведемъ классовую борьбу, ворочаемъ центральный рычагъ, направляемъ основной лучъ. *Здѣсь* сфера нашихъ задачъ, *здѣсь* область нашихъ цѣлей. Мы сметаемъ то, что становится на пути желательнаго движенія нашего рычага, мы привѣтствуемъ то, что содѣйствуетъ ему; съ этой точки зрѣнія мы оцѣниваемъ все и вся.

Въ своемъ развитіи классовая борьба принимаетъ различныя національныя формы, окутывается въ своеобразную оболочку, лучъ окрашивается въ тотъ или иной національный цвѣтъ. — Здѣсь уже не сфера нашихъ *цѣлей*. Здѣсь область стихійныхъ, безразличныхъ *результатовъ*.

Ошибка націоналистовъ и ассимиляторовъ заключается въ томъ, что они эти *результаты* переносятъ въ область цѣлей.

Пусть исторія обрекла евреевъ на уподобленіе инымъ народамъ. Мы не будемъ принимать мѣры для того, чтобы задержать этотъ процессъ, не будемъ и содѣйствовать ему. Мы нейтральны. Правда, мы противъ ассимиляторовъ, стремящихся къ этому же уподобленію; но мы чужды ихъ не потому, что самое уподобленіе насъ страшитъ, а потому, что уподобленіе это не можетъ ставиться въ качестве задачи; оно можетъ быть лишь безразличнымъ итогомъ общественной эволюціи. Мы непротивъ *ассимиляции*, мы противъ *ассимиляторства*.

Пусть исторія сулитъ евреямъ расцвѣтъ своеобразной культуры; мы не будемъ пещись о томъ, чтобы препятство-

вать этому своеобразію, не будемъ стараться и о его успѣхѣ. Мы нейтральны. Правда мы противъ націоналистовъ, ставящихъ своей задачею его культъ. Но и противъ нихъ мы не потому, что намъ нежелательной кажется національная окраска, а потому, что мы не признаемъ ея культивированія, какъ задачи. Мы не противъ *національнаго характера* культуры, мы противъ *націоналистической политики*.

Мы нейтральны по отношенію къ тѣмъ вопросамъ, которые въ данной области характерны для буржуазіи. Въ *этой формѣ* мы отрицаемъ національный вопросъ, въ *этомъ видѣ* мы снимаемъ его съ очереди.

Но въ иномъ смыслѣ мы его ставимъ вновь. Въ иномъ смыслѣ мы не безразличны, мы вмѣшиваемся въ событія со всей настойчивостью и энергіей. И вотъ въ какомъ смыслѣ существуетъ для насъ національный вопросъ. Что бы ни обѣщала намъ исторія, какія бы перспективы ни открывалъ историческій процессъ предъ націей, суждено ли ей утратить или укрѣпить свою специфическую фізіономію, во что бы то ни стало этотъ процессъ долженъ протекать *свободно*. Всякое насиліе, всякій гнетъ, прямой ли, косвенный ли, долженъ быть устраненъ. Въ процессѣ выработки культурныхъ формъ лишь внутреннія потребности народной жизни должны играть роль, лишь эти внутреннія потребности имѣютъ право голоса въ тяжбѣ между „своими“ и „чужими“ формами національной жизни; безпрепятственно долженъ совершаться этотъ процессъ отбора культурныхъ формъ, гибели наименѣ приспособленныхъ и выживанія наиболѣ отвѣчающихъ потребностямъ культурнаго развитія. Свободный отъ давленія извнѣ, народный организмъ самъ, внутреннимъ теченіемъ своего развитія опредѣляетъ свою судьбу.

Было бы грубой ошибкой, относясь отрицательно къ *буржуазной постановкѣ* вопроса, распространить это отрицательное отношеніе на самый вопросъ вообще; грубой ошибкой было бы, занимаясь одной лишь критикой вра-

ждебныхъ теченій, проглядѣть за этими враждебными теченіями возможность правильной, классово - пролетарской постановки; ошибочно было бы, вмѣсто попытки сдѣлать такую постановку, вести проповѣдь безучастія и отказа. Въ другой формѣ, въ другой плоскости, въ иной постановкѣ, во имя совершенно иныхъ задачъ, національный вопросъ существуетъ и для насъ.

Борьба за національную свободу не есть еще націонализмъ—сказали мы выше. Она становится націоналистической съ того момента, какъ на національное движеніе накладывается свою печатьто специфически буржуазное пониманіе его, которое мы раньше характеризовали. Но эта борьба противъ національнаго гнета можетъ быть свободна отъ буржуазно-націоналистическаго привкуса, и тогда это будетъ чисто - эмансипаціонная, истинно - прогрессивная работа. Она не только можетъ вестись въ этомъ очищенномъ отъ реакціонныхъ примѣсей видѣ, она *должна* вестись. Пролетаріатъ долженъ включить ее въ систему своей освободительной работы. Пролетаріатъ долженъ, не довольствуясь отрицаніемъ буржуазно-націоналистическихъ вождедѣній, взять ее въ свои руки, повести ее на свой ладъ, потому что его ясно выраженный классовый интересъ этого настоятельно требуетъ.

Національный гнетъ не направляется непосредственно, спеціально противъ рабочаго класса; онъ направленъ противъ всей націи. Но обрушившись на ея имущіе и образованные классы, онъ всей своей тяжестью ложится и на пролетаріатъ, какъ на слой, занимающій низшее мѣсто на общественной лѣстницѣ и испытывающій на своихъ плечахъ въ усиленной степени всѣ тѣ удары, которые выпадаютъ на долю всего общественнаго цѣлаго.

Національный гнетъ душитъ культурную жизнь. Стѣсненіе родного языка и литературы не можетъ не отразиться самымъ жестокимъ образомъ на непосредственныхъ интересахъ рабочаго. Онъ не знаетъ чужого языка, не читаетъ чужихъ газетъ. Его подавляемый языкъ и лите-

ратура — единственное окно, чрезъ которое онъ можетъ приобщиться къ культурной жизни, развивать свое сознание, расширять свой горизонтъ. Это окно захлопывается. Пролетарій отрѣзанъ отъ культурной жизни.

Угнетающее государство не признаетъ его родного языка; оно издаетъ законы, опубликовываетъ постановленія на незнакомомъ пролетарію языкѣ; на незнакомомъ же языкѣ ведется судъ, идетъ дѣлопроизводство въ канцеляріяхъ. Рабочій отрѣзанъ отъ государственной жизни, онъ становится какъ бы внѣ гражданскихъ и политическихъ рамокъ; государственная машина давитъ его, беспомощнаго и беззащитнаго.

Національный гнетъ создаетъ презрѣніе къ угнетеннымъ; они низводятся на степень людей низшаго разряда, имъ прививается психологія раба — гигантскій ударъ развитію истинно классовой психологіи сознательнаго пролетарія.

Національный гнетъ — и это одна изъ самыхъ темныхъ его сторонъ — сковываетъ во едино всѣ слои угнетенной націи. Естественное чувство отпора сближаетъ враждующіе между собою классы. Они объединяются во имя одной и той же, зрѣющей на почвѣ угнетенія, ненависти противъ давящаго ихъ чужака; фанатическая преданность всему родному заставляетъ игнорировать домашніе споры. «Внѣшній» врагъ вытѣсняетъ «внутренняго»; національные антагонизмы заслоняютъ классовыя противорѣчія; проповѣдь солидарности во имя общей борьбы съ общимъ національнымъ врагомъ заглушаетъ призывъ къ «гражданской войнѣ» эксплуатируемаго класса, возстающаго противъ класса эксплуататоровъ. Пышнымъ цвѣтомъ распускаются націоналистическія и шовинистическія чувства, отравляющія идейную атмосферу, пропитывающія ее дѣлою массою реакціонныхъ настроеній и инстинктовъ. Пролетаріатъ задыхается въ этой удушливой атмосферѣ; для его классоваго созрѣванія создается самая неблагоприятная обстановка. Добавьте къ этому еще и то деморализирующее вліяніе, которое національное подавленіе оказываетъ на самое господству-

ющую націю, включая и пролетарскіе ея слои, и вы получите полную картину всѣхъ тѣхъ золъ, которыя несетъ съ собою національный гнетъ рабочему классу.

А разъ существуетъ зло, съ нимъ надо бороться. Разъ существуетъ гнетъ, должны быть приняты мѣры къ его устраненію. Давно пора покончить съ тѣмъ особымъ положеніемъ, которое занимаетъ національный вопросъ въ иныхъ социалдемократическихъ кругахъ; неосновательна и бессмысленна та брезгливость, съ которою къ нему подходятъ, неумѣстна та неохота, съ которою берутся за его рѣшеніе. Разумѣется, мы не должны идти по стопамъ разнаго рода національ-демократовъ, утрачивающихъ всякія перспективы и ставящихъ національный вопросъ въ центръ своей программы; мы должны помнить, что это не всеобъемлющій, а частный вопросъ объ одной изъ формъ угнетенія, и въ качествѣ такого онъ долженъ найти себѣ мѣсто въ ряду другихъ, ему подобныхъ. Его роль въ социалдемократической программѣ должна быть не больше, чѣмъ роль другихъ важнѣйшихъ проблемъ.

Не больше, *но и не меньше!* Вредна утрировка, но не менѣе вредно и затираніе, не менѣе вредно и игнорированіе. Послушайте, что говорятъ намъ иные социал-демократы, не нашедшіе почему-то нужнымъ очистить себя отъ пережитковъ ассимиляторскихъ настроеній.

«Въ Россіи социалдемократы спокойно могутъ еще обождать своей детальной деклараціей по національному вопросу и довольствоваться пока принципиальнымъ заявленіемъ манифеста Партіи о признаніи за каждой націей права самоопредѣленія. Заявленіе это съ полною ясностью и опредѣленностью выражаетъ общее отношеніе ко всѣмъ національностямъ въ Россіи, и этого пока вполне достаточно» ¹⁾.

Что понимаетъ авторъ подъ «детальной» деклараціей

¹⁾ Заря, № 4 „О еврейскомъ рабочемъ движеніи въ Россіи“, стр. 50

видно изъ того, что здѣсь ведется полемика противъ резолюціи IV сѣзда Бунда, выставившей *принципъ* національной автономіи. Выставленіе этого общаго принципа для ревнителя «чистоты» соц.-дем. программы слишкомъ «детально»; ему достаточно пункта о самоопредѣленіи, онъ можетъ «спокойно обождать». А что такое этотъ пунктъ о самоопредѣленіи, отличающійся «полною ясностью и опредѣленностью»? Объ этомъ мы читаемъ слѣдующее¹⁾:

«Требованіе признанія права на самоопредѣленіе за каждый національностью означаетъ само по себѣ лишь то, что мы, партія пролетаріата, должны быть всегда и безусловно *противъ всякой попытки насиліемъ или несправедливостью* вліять *извнѣ* на народное самоопредѣленіе».

Прекрасно. Итакъ, вотъ какова программа «Искры» по національному вопросу: мы противъ насильственнаго и несправедливаго воздѣйствія на націю. Это, несомнѣнно, и ясно и опредѣленно, и жаль только, что эта ясная и опредѣленная формулировка слишкомъ часто стирается предъ наплывомъ ассимиляторскихъ чувствъ, но дѣло не въ этомъ. Неужели этотъ тезисъ: мы, партія пролетаріата, должны быть противъ насилія надъ націей—есть уже программный пунктъ? Неужели это есть программный отвѣтъ на вопросъ? Не ясно ли, что въ этомъ положеніи заключается только *постановка* вопроса, что это лишь повтореніе его иными словами, лишь признаніе основной предпосылки для его рѣшенія: предпосылки, формулирующей ясно и просто: національный гнетъ существуетъ, но мы должны съ нимъ бороться. Но вѣдь отъ программы требуется не одна лишь формулировка вопроса—ей мѣсто развѣ лишь въ общемъ вступленіи, — отъ программныхъ пунктовъ мы ждемъ *ответа* на вопросъ, мы требуемъ *рѣшенія* его. А вмѣсто рѣшенія и отвѣта, намъ вторично предподносятъ самый вопросъ, выраженный въ иныхъ словахъ.

Интересно знать, чтобы сказали товарищи, если бы

1) „Искра“, № 33, „Изъ Партіи“.

въ чьей вибудь программѣ пункты, трактующіе виды гарантій противъ политическаго гнета, слились въ одинъ краснорѣчивый тезисъ: мы, партія пролетаріата, всегда и безусловно противъ политическаго насилія; а вмѣсто экономической программы красовался бы пунктъ: мы, партія пролетаріата, всегда и безусловно противъ экономического гнета.

Очевидно, что дѣло неладно, что такимъ «требованіямъ» не мѣсто въ программѣ, что долженъ быть отброшенъ либо самый пунктъ, либо его искровское толкованіе, и очевидно, прежде всего, что этому ненормальному отношенію къ національному вопросу долженъ быть положенъ конецъ.

Проблема требуетъ отвѣта, и, не гоняясь за кропотливой ея разработкой, мы должны дать этотъ отвѣтъ въ общихъ чертахъ тогда же, когда даютъ отвѣтъ по всѣмъ остальнымъ пунктамъ программы, т. е. *теперь же*, не откладывая рѣшенія *ad calendas graecas*.

Вопросъ поставленъ: въ виду того, что національный гнетъ пагубно отражается на положеніи пролетаріата, тормазитъ его развитіе и препятствуетъ его классовой борьбѣ, необходимо, поскольку это возможно въ предѣлахъ капиталистическаго строя—оградить отъ этого гнета каждую націю. Необходимо создать гарантіи, обезпечивающія каждой націи полную свободу культурнаго развитія, устраняющія все то, что насилуетъ и коверкаетъ его.

Въ чемъ заключается эта гарантія? Какихъ законовъ и учреждений должны мы добиваться? Иначе говоря, чего мы требуемъ въ области національнаго вопроса?

II.

Въ предыдущей главѣ мы занимались выясненіемъ тѣхъ принципіальныхъ предпосылокъ, безъ которыхъ намъ представляется совершенно невозможной мало-мальски правильная *постановка* національнаго вопроса въ рамкахъ соціалдемократической программы.

Здѣсь мы намѣрены отъ постановки перейти къ разрѣшенію и заняться критическимъ анализомъ тѣхъ общихъ мѣръ, точнѣе тѣхъ директивъ, которыя выдвигаются съ цѣлью ликвидаціи національной проблемы.

Прежде всего одно необходимое разъясненіе. Силою и рядомъ приходится говорить о мѣрахъ, ограждающихъ націю отъ стѣсненій ея культурнаго развитія, о гарантіяхъ противъ національнаго гнета и т. п. Необходимо разъ навсегда установить, что такія выраженія, какъ «гарантія», «огражденіе» и пр. имѣютъ въ данномъ случаѣ вполне опредѣленный условный смыслъ. Намъ представляется совершенно яснымъ то обстоятельство, что въ предѣлахъ капиталистическаго строя совершенно немыслимы какія бы то ни было *абсолютныя* гарантіи безусловно ограждающія ту или иную категорію гражданъ отъ того или иного вида угнетенія. Какъ и всѣ вопросы, такъ и національный вопросъ нашего времени неразрывно, органически связанъ съ самыми основами капиталистическаго хозяйства, и до тѣхъ поръ, пока капиталистическая конкуренція, создающа постоянно новые поводы для національных распрей, а вслѣдъ за нею и вся политическая и идейная обстановка буржуазнаго общества, не будетъ устранена, ничто не сможетъ сыграть роль абсолютнаго оплота противъ національныхъ треній и насилія. Даже наиболѣе совершенное зако-

подательство бессильно противъ такихъ формъ національныхъ конфликтовъ, какъ напр. общественный бойкотъ, который по самому существу своему способенъ проскальзывать сквозь сѣти государственной регламентаціи и свиваетъ себѣ гнѣздо въ области общественно-бытовыхъ и личныхъ отношеній.

Безусловными гарантіями противъ національнаго угнетенія въ буржуазномъ мірѣ мы можемъ располагать такъ же мало, какъ и подобными же гарантіями противъ всѣхъ остальныхъ соціальныхъ и политическихъ золь, устранимыхъ лишь съ ликвидацией капиталистическаго хозяйства; недаромъ входятъ наши требованія, касающіяся національнаго вопроса, въ нашу программу-минимумъ, т. е. въ ту часть программы, которая, формулируя требованія, предъявляемые нами буржуазному міру, является по существу своему собраніемъ палліативовъ, временно облегчающихъ существованіе пролетаріата и расчищающихъ ему дорогу къ соціальной революціи.

Вотъ почему всякія заявленія о гарантіяхъ противъ національнаго гнета всегда надо принимать съ молчаливой, неизмѣнно подразумеваемой оговоркой—«поскольку эти гарантіи возможны при наличности капиталистическаго порядка». Вотъ почему слѣдуетъ рѣшительно избѣгать выставленія нашей національной программы, какъ нѣкоей всеобщей и магической панацеи, начисто и безъ остатка очищающей міръ отъ національныхъ распрей. Пока существуетъ капитализмъ, мы можемъ смягчить національную борьбу—и это имѣетъ огромное значеніе, котораго не надо недооцѣнивать,—мы можемъ локализовать ея проявленія въ немногихъ сферахъ, не поддающихся воздѣйствію нашей политической работы, можемъ ослабить ея силу и значеніе; можемъ—это мыслимо при особенно счастливой комбинаціи условій—свести въ томъ или иномъ мѣстѣ ея вредъ до ничтожной величины—но *ручаться* за ея искорененіе было бы съ нашей стороны такимъ же политическимъ шарлатанствомъ, какими являются обѣщанія соціаль-ре-

форматоровъ установить соціальный миръ при сохраненіи капиталистическаго способа производства.

Это необходимо помнить, но не менѣе важно избѣгать и другой, значительно болѣе вредной по своимъ результатамъ, ошибки. Изъ палліативнаго характера національной программы иные нерѣдко склонны бываютъ дѣлать выводы въ духѣ довольствованія малымъ и отказа отъ всякихъ попытокъ выставить дальше идущія требованія: все равно, молъ, ковшомъ моря не вычерпать. Нечего и говорить, насколько эта политика является ложной. Наша практическая программа минимальна по отношенію ко всему объему того соціального переворота, къ которому социалдемократія стремится; она минимальна по сравненію съ социалистическимъ обществомъ; но по отношенію къ буржуазному обществу она должна быть несомнѣнно *максимальна* и пытаться взять у него все то, что только оно въ состояніи дать. Не создавая себѣ иллюзій насчетъ объема того, что буржуазный строй намъ въ результатѣ дастъ, не обманываясь насчетъ прочности завоеваній, не должны же мы все-таки заниматься добровольнымъ самоограниченіемъ и смиренно понижать уровень нашихъ требованій, утѣшая себя тѣмъ, что въ полномъ объемѣ мы все равно ничего не получимъ. Именно потому, что буржуазный строй самъ позаботится о томъ, чтобы насъ урѣзать, именно поэтому должны мы быть далеки отъ всякаго *самоурѣзыванія* и прилагать всѣ старанія къ тому, чтобы вырвать изъ когтей капиталистическаго строя наибольшую сумму того, что мыслимо отъ него отбить.

А теперь отъ этихъ предварительныхъ замѣчаній—къ непосредственной темѣ.

Національный вопросъ стоитъ предъ нами въ двухъ формахъ, и этотъ его двуликій характеръ, нерѣдко упускаемый изъ виду, необходимо отмѣтить въ самомъ началѣ его разбора. Первая форма—это вопросъ о національно-государственной независимости. Государство-нація, существовавшее въ качествѣ самостоятельнаго политическаго

организма, подпадаетъ подъ власть другого, болѣе сильнаго государства; соединенное съ нимъ механически, принудительнымъ воздѣйствіемъ грубой силы, оно сохраняетъ все же, хотя и въ нѣсколько изломанномъ видѣ свою придавленную, но своеобразную соціально-политическую жизнь, и стремится вновь оторваться отъ гнетущаго его господина. Идетъ борьба за независимость. Результатъ—въ случаѣ успѣха—обогащеніе политической карты новой государственной единицей. Такова одна форма.

Другая существенно отлична. Въ рамкахъ одного и того же государственнаго цѣлаго живетъ цѣлый рядъ національностей, утратившихъ всякіе остатки самостоятельнаго государственнаго существованія, тѣсно сплетенныхъ одна съ другой въ своей экономической и политической жизни, расселившихся впережку на общей территоріи и оставившихъ всякую мысль о государственной независимости. Государство обречено на роль Nationalitätenstaat—«государства націй». Вопросъ заключается въ томъ, какъ добиться въ предѣлахъ этого единого государства возможно болѣе мирнаго сожителства различныхъ національностей; какъ обезпечить ихъ отъ взаимныхъ треній и подавленія слабыхъ націй болѣе сильными.

Въ сущности лишь этотъ второй вопросъ—объ отношеніи между отдѣльными націями *внутри* единого государства—и есть настоящій *національный* вопросъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Государственная независимость могла бы являться полнымъ рѣшеніемъ національнаго вопроса лишь тогда, если бы стремящаяся къ политическому отдѣленію территорія была сплошь заселена одной національностью. А такъ какъ этого нѣтъ и при условіяхъ современной жизни не можетъ быть, то даже въ случаѣ достиженія «національной» независимости вновь образовавшееся или заново реставрированное государство будетъ опять-таки представлять изъ себя тотъ же Nationalitätenstaat—въ меньшемъ объемѣ, и по-прежнему будетъ стоять предъ его политиками вопросъ о мѣрахъ для урегулированія отно-

шеній между населяющими его разношерстными націями. Государственная независимость несетъ національное освобожденіе лишь той націи, которая занимаетъ первое мѣсто на освобождающейся территоріи. Для остальныхъ націй—лишь мѣняется угнетатель.

Однако, какъ это ни странно, хотя государственныи сепаратизмъ является самой неполной, самой несовершенной формой рѣшенія *національнаго* вопроса, именно какъ *національнаго* (какъ средство эмансипаціи угнетенной *государственной* единицы она всегда сохранитъ свою силу) все же въ рядахъ социалдемократіи эта форма національнаго вопроса сплошь и рядомъ заслоняетъ собой другой его видъ—„внутригосударственный“ вопросъ объ организаціи Nationalitätenstaat'a. Въ виду того, что именно въ этой, первой „междугосударственной“ формѣ проблемы впервые выступила въ исторіи, въ силу извѣстныхъ традицій буржуазной мысли, довольно прочно вжившихся даже тамъ, гдѣ имъ не подобало бы найти себѣ мѣсто съ понятіемъ „національнаго освобожденія“ сплошь и рядомъ связывается прежде всего мысль о государственной независимости, и сообразно съ этими представленіями строятся—естественно, въ искаженномъ видѣ—и взгляды на національный вопросъ вообще.

Спутываніемъ во едино этихъ двухъ существенно различныхъ вопросовъ въ значительной степени объясняются многія изъ тѣхъ ошибокъ, которыя допускаются нашимъ противниками. Замѣтимъ въ скобкахъ, что даже тогда когда трудно было бы предположить сознательное смѣшеніе, все же сказываются извѣстные навыки мысли, воспитавшейся на ложной традиціи. Такъ, авторъ цитированной уже въ предыдущей главѣ статьи въ № 4 „Зари“¹⁾ мотивируетъ ненужность и невозможность національно автономіи для евреевъ, между прочимъ и тѣмъ, что евреевъ отсутствуютъ „традиціи особаго государствен-

1) „О еврейскомъ раб. движ. въ Россіи“.

наго права“. Тутъ явно грубая ошибка: традиція особаго государственнаго права или, иными словами, извѣстные рудименты самостоятельнаго государственнаго существованія имѣютъ значеніе тогда, когда рѣчь о государственной независимости, и не играютъ никакой роли, когда вопросъ заключается въ томъ, какіе порядки должны быть введены въ единомъ и цѣльномъ государствѣ въ области извѣстныхъ его функцій—въ данномъ случаѣ культурныхъ дѣлъ,—должны ли быть для этого созданы спеціальныя національныя учрежденія или же онѣ останутся въ рукахъ учреждений общегосударственныхъ. Противъ культурной автономіи выдвигается аргументъ, совершенно немыслимый, при ясномъ отграниченіи національнаго вопроса, рѣшающагося *внутри* государства, отъ вопроса международнаго свойства.

Вотъ почему мы настаиваемъ на рѣзкомъ отграниченіи этихъ двухъ вопросовъ другъ отъ друга.

Борьба за государственную самостоятельность—это борьба за перекройку политической карты державъ. Она выходитъ далеко за предѣлы внутренней жизни государства. Ея успѣхъ, ея цѣлесообразность даже, сплошь и рядомъ ставится въ зависимость отъ положенія дѣлъ въ международномъ концертѣ, отъ той или иной политической комбинаціи, подчасъ совершенно случайной и непредвидѣнной; здѣсь „обстоятельства времени и мѣста“ играютъ громадную, зачастую рѣшающую роль; здѣсь программное безусловное рѣшеніе—дѣло весьма рискованное.

Но непростительной погрѣшностью было бы перенесеніе этой, неизбежной здѣсь, неопредѣленности и условности, свойственной всякой „междугосударственной“ задачѣ, въ область вопроса о „внутригосударственномъ“ регулированіи національныхъ отношеній. Это такой же вопросъ внутренней политики, какъ и всякій другой, волнующій социал-демократа вопросъ, и онъ также допускаетъ и также требуетъ опредѣленнаго и тщательнаго *программнаго* рѣше-

ніа, какъ и всѣ остальные проблемы, находяція себѣ то или иное разрѣшеніе въ любой партійной программѣ.

Выдѣливъ, такимъ образомъ, собственно національный вопросъ въ его чистомъ видѣ и приступая къ его разбору, мы съ первыхъ же шаговъ наталкиваемся на взглядъ, широко распространенный въ социалдемократическихъ— кругахъ. Когда вамъ удастся вывести человѣка, интересующагося національнымъ вопросомъ, изъ круга мыслей о сепаратизмѣ, національной независимости, отдѣльномъ государственномъ существованіи и всякаго рода междунаrodnыхъ перипетіяхъ и ввести его въ рамки внутренней политической жизни единаго и нераздѣльнаго государства, онъ, едва вступивъ на почву „внутреннихъ дѣлъ“, мгновенно сокращаетъ свой политическій арсеналъ и замѣняетъ всѣ и всяческія орудія борьбы съ національнымъ гнетомъ одной всеобъемлющей панацеей—гражданскимъ равноправіемъ. Для внутри государственныхъ національныхъ отношеній гражданское равноправіе—все. Это талисманъ, во-первыхъ, *вполнѣ достаточный* для ликвидаціи національнаго гнета, а, во-вторыхъ, *единственно допустимый* съ социалдемократической точки зрѣнія для устранения національной борьбы.

Во-первыхъ, вполнѣ достаточный. Почему? А потому,— говорятъ намъ, — что вся суть національнаго гнета заключается въ томъ, что имѣющіе въ своихъ рукахъ власть представители господствующей національности совершаютъ рядъ посягательствъ на права гражданъ подчиненной націи; сумма правъ, коими пользуются члены послѣдней, урѣзывается; они превращаются въ гражданъ второго разряда, подвергаются всякаго рода изытіямъ, ограниченіямъ, преслѣдованіямъ. Они не полноправны. Уравняйте ихъ въ правахъ, добейтесь такого гражданского кодекса, предъ лицомъ котораго нѣтъ ни эллина, ни іудея, а лишь безличныя полноправныя граждане независимо отъ пола, языка, національности и расы,—и вы уничтожите національный гнетъ.

Во-вторыхъ, единственно допустимый въ качествѣ принципіальнаго требованія. И это на первый взглядъ ясно и, для обычнаго здраваго смысла, прямо-таки неопровержимо. Каковы задачи соціалдемократіи въ области національнаго вопроса? Желаетъ она создавать національную культуру, творить содержаніе національной жизни, задается она положительными задачами? Нѣтъ, она хочетъ лишь уничтожить національный гнетъ; ерго ея задача носить чисто *отрицательный* характеръ. Ея дѣло устранять существующія помѣхи, сносить преграды, уничтожать все то, что невыгодно отличаетъ правовое положеніе одного гражданина отъ положенія другого; дѣло ея, слѣдовательно, борьба съ безправіемъ и его ликвидація. Создавать какія бы то ни было спеціальныя учрежденія заниматься въ буржуазномъ строѣ какою-то творческою работою — дѣло не ея. Сіе отъ лукаваго.

Остановимся прежде всего на второмъ соображеніи. Конечно, въ національномъ вопросѣ задача соціалдемократіи отрицательна. Отрицательна она въ томъ смыслѣ — и объ этомъ мы подробно говорили въ предыдущей статьѣ — что она не ставитъ себѣ никакихъ задачъ по отношенію къ судьбѣ національнаго своеобразія и задается единственною цѣлью парализовать испытываемый націей гнетъ. Это безусловно вѣрно. Но дальше что же? Желая бороться съ національнымъ гнетомъ, мы спрашиваемъ себя: какъ это сдѣлать? какія пертурбаціи надо произвести для этого въ государственной жизни? чего добиваться? И отвѣчаемъ: для этого надо бороться за такія-то требованія, совершить такія-то измѣненія въ законодательствѣ, произвести такія-то операціи надъ строемъ государственной жизни, добиваться такихъ-то конституціонныхъ пунктовъ. Здѣсь уже идетъ исполнѣ опредѣленная, исполнѣ *положительная* политическая работа, и здѣсь для насъ существуетъ лишь одинъ вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной перестройкѣ государственныхъ отношеній. Здѣсь мы боремся за законы и противъ законовъ, боремся за устраненіе однихъ учре-

жденій, реорганізацію другихъ, созданіе третьихъ; и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти отдѣльные виды политической работы, отличающіеся одинъ отъ другого лишь юридическими признаками, по отношенію къ существу вопроса принципиально совершенно равнокачественны. Выполняя чисто отрицательную — въ смыслѣ національнаго содержанія — задачу борьбы съ гнетомъ, мы можемъ для этого прибѣгать къ самымъ различнымъ политическимъ мѣропріятіямъ, руководясь, въ выборѣ этихъ мѣропріятій, одними лишь соображеніями политическаго разсчета. Мѣра, которая лучше другихъ служить цѣли устраненія гнета, включается въ нашъ арсеналъ. Этой мѣрой можетъ быть и отмѣна закона о чертѣ осѣдлости и введеніе новаго закона, торжественно заявляющаго о равноправіи всѣхъ гражданъ; этой мѣрой можетъ быть и уничтоженіе института казенныхъ раввиновъ или еврейскихъ мѣщанскихъ управъ, можетъ быть и созданіе новыхъ институтовъ, вродѣ еврейскихъ автономныхъ сеймовъ, заведующихъ дѣлами народнаго образованія. Устраненіе гнета достигается не только *отмѣной* несправедливыхъ государственныхъ формъ, но и *замѣной* ихъ опредѣленными гарантіями въ видѣ законовъ и специальныхъ учрежденій. Это будутъ различныя положительныя формы выполненія одной и той же отрицательной задачи — борьбы съ гнетомъ.

Вотъ почему, не погрѣшая противъ принципиальной постановки національнаго вопроса, социалдемократъ можетъ съ чистой совѣстью выйти изъ рамокъ требованія гражданскаго равноправія и вступить въ область специальной регламентаціи, особыхъ учрежденій.

Но остается поставленный раньше вопросъ: нужно ли все это? Не излишняя ли это роскошь, стремленіе къ которой диктуется болѣзненно-подозрительнымъ чувствомъ націоналистическаго недовѣрія къ демократическимъ формамъ?

Здѣсь центральное мѣсто спора. На этомъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣй.

Съ точки зрѣнія послѣдовательно продуманной доктрины чистаго либерализма, благоговѣйное преклоненіе предъ всемогущей силой гражданскаго равноправія и общедемократической конституціи вполне понятно и легко простительно. Исходя изъ вполне опредѣленныхъ интересовъ молодого, крѣпкаго, полагающагося на свои силы капитализма, чистый и послѣдовательный либераль вѣрить въ своего рода „предустановленную гармонію“ человѣческаго общества; эта гармонія должна реализоваться путемъ свободнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго столкновенія тѣхъ отдѣльныхъ клѣточекъ-индивидуумовъ, изъ которыхъ создается общественный организмъ, путемъ свободной игры интересовъ, свободной борьбы общественныхъ атомовъ, конкурирующихъ между собой и въ процессѣ этой конкуренціи естественно слагающихся въ идеальное цѣлое, организованное на началахъ всеобщаго благополучія. Этимъ отдѣльнымъ атомамъ должна быть предоставлена свобода и просторъ; въ ихъ дѣятельности — и только въ ней — залогъ прогресса. Задача государства — выполненіе функций будочника, поставленнаго слѣдить за тѣмъ, чтобы весь этотъ процессъ спасительной игры интересовъ протекалъ въ законныхъ рамкахъ, обязаннаго карать вторженіе одного индивидуума въ тотъ кругъ правъ и „свободъ“, который очерченъ вокругъ другого, и обезпечивать такимъ образомъ за каждымъ членомъ общества ту сумму „неотъемлемыхъ правъ человѣка и гражданина“, которая является альфой и омегой общественнаго процвѣтанія. Отсюда твердая вѣра въ универсальное значеніе гражданскаго равноправія (и, разумѣется, политическаго полноправія), обезпечивающаго за каждымъ гражданиномъ наибольшую сумму индивидуальныхъ правъ; равноправія, дающаго ему возможность проявлять себя въ полномъ объемѣ въ частной и общественной жизни и держать вдобавокъ въ своихъ рукахъ частицу той самой государственной власти, которая бдительно охраняетъ его суверенную личность отъ всякихъ посягательствъ на ея свободу и самодѣтельность.

Отдѣльная личность и ея индивидуальныя права — центр тяжести всей политической системы либерализма.

Многое измѣнилось со времени эпохи расцвѣта либеральной доктрины. Минулъ безвозвратно медовый мѣсяцъ капиталистической буржуазіи, и, вмѣстѣ съ крушеніемъ ея созидательныхъ политическихъ силъ, оказался банкротомъ и наиболѣе яркій ея продуктъ — манчестерскій либерализмъ. Подъ двойнымъ напоромъ пролетарской борьбы и видоизмѣнившихся нуждъ самой буржуазіи теорія невмѣшательства государства поблекла, стушеввалась. Та самая буржуазія, которая при своемъ выступленіи на политическую арену съ такой подозрительностью, — воспитанной въ ней феодализмомъ, — относилась къ государству, которая въ эпоху своей юности вызывающе кричала ему: руки прочь! шире дорогу! — постарѣла, привыкла обогрѣваться у кормила правительственной власти и все болѣе настойчиво и докучливо стала взывать къ этому государству, требуя отъ него вмѣшательства, инициативы, помощи и защиты. А вслѣдъ за нею, или вѣрнѣе, противъ нея двигался рабочій классъ, аппелируя къ тѣмъ же органамъ государственной власти и требуя отъ нихъ также вмѣшательства въ свободную доннынъ сферу игры интересовъ.

Тенденція, желавшая видѣть въ государствѣ только „бюрократію“, должна была сойти со сцены. На первый планъ выдвигается иная задача государства — роль инициативной политической организаціи, роль громаднаго коллективнаго культуртрегера; — каковы качества той культуры, которую оно несло и несетъ, — другой вопросъ. Ему вмѣняется въ обязанность не только слѣдить за неприкосновенностью индивидуальныхъ правъ каждого гражданина, оно должно, какъ верховный представитель интересовъ совокупности, обслуживать эту совокупность, — хотя бы для этого надо было вторгнуться въ ту заповѣдную черту „неотъемлемыхъ“ индивидуальныхъ правъ, которою обведена каждая ячейка человѣческаго общества. Оно вырываетъ изъ слабыхъ рукъ отдѣльнаго индивидуума и беретъ въ свои ги-

гантскія руки цѣлый рядъ функцій, приходящихся не подъ силу изолированному гражданину и могущихъ быть выполненными лишь тѣмъ сложнымъ и властнымъ аппаратомъ, который находится въ распоряженіи правительства. Такова вся такъ называемая соціальная политика: охрана труда, страхованіе рабочихъ, призрѣніе бѣдныхъ и т. п.: таково народное просвѣщеніе въ тѣсномъ смыслѣ этого слова и мѣры къ подъему уровня культурной работы вообще.

Конечно, вся эта „иниціативная работа“ современнаго государства ведется подъ контролемъ буржуазіи, подъ давленіемъ буржуазіи и въ созвучіи съ ея интересами,—если не считать тѣхъ уступокъ, которыя пролетаріатъ у нея вызываетъ силой. — Но въ данномъ случаѣ не это для насъ важно. Для насъ важно здѣсь констатировать, что картина структуры современнаго государства не такъ проста, какъ это можно себѣ было бы представить на основаніи либеральной доктрины. И эта картина такова.

Передъ нами сумма гражданъ, отдѣльныхъ единицъ, составляющихъ въ своей совокупности человѣческое общество-государство. Каждый гражданинъ свободно вращается въ описанномъ вокругъ него кругѣ индивидуальных гражданскихъ правъ. Каждый гражданинъ держитъ въ своихъ рукахъ частицу государственной власти, обеспечивающей его неприкосновенность. Это гражданскія и политическія права въ либеральномъ смыслѣ этого слова. Но надъ ними, надъ сферой свободной личной дѣятельности, индивидуальнаго почина и частной предпріимчивости воздвигается еще нѣчто. Это государство, выполняющее „общественныя функціи“. И здѣсь-то наряду съ индивидуальными правами личной свободы и неприкосновенности, наряду съ индивидуальнымъ же правомъ участія въ законодательной работѣ, выступаетъ и иная категорія правъ: это—право пользоваться извѣстною долею въ продуктѣ той „общепользной“ дѣятельности, которою занимается государство. Наряду съ обеспеченіемъ простора

личной дѣятельности, требуется обезпеченіе пользованіями „услугами“ государства. Примѣръ права первой категоріи — *сводода* образованія: право каждаго гражданина учить своихъ и чужихъ дѣтей. Примѣръ права второй категоріи — *доступность* образованія: возможность обученія въ заведеніяхъ, устраиваемыхъ государствомъ. Право первой категоріи обезпечиваетъ *невмѣшательство* въ частную жизнь гражданина, право второй категоріи даетъ нѣчто вродѣ векселя на должную долю въ продуктѣ дѣятельности *государства*. Въ первомъ случаѣ дѣло государства *не мѣшать*; во второмъ — его дѣло: *давать*.

Это нѣсколько кропотливое различеніе необходимо намъ для уясненія одного чрезвычайно важнаго обстоятельства: требованія, съ которыми мы обращаемся къ государству для достиженія первой категоріи правъ, и тѣ требованія, которыя ведутъ къ обезпеченію второй категоріи, по своему юридическому характеру существенно различны. Когда рѣчь идетъ о первомъ разрядѣ, о завоеваніи извѣстныхъ индивидуальныхъ свободъ, мы требуемъ отъ власти *невмѣшательства*. Это значитъ, что мы добиваемся отмѣны тѣхъ законовъ (и административныхъ распоряженій), которые запрещаютъ то или иное дѣяніе, относя его къ числу преступныхъ, вычеркиваемъ изъ кодекса извѣстные запреты, замѣняемъ ихъ деклараціей правъ плюсъ карательныя мѣры за вторженіе въ область этихъ правъ, и все. Довольно элементарный актъ отмѣны стѣсненій.

Совсѣмъ иначе стоитъ вопросъ тогда, когда мы подходимъ къ обезпеченію правъ второго вида. Здѣсь мало провозгласить право каждаго гражданина на пользованіе тѣми или иными политическими благами; это право останется пустою фразою до тѣхъ поръ, пока не будетъ организовано производство этихъ благъ. Какое значеніе имѣло бы, хотя бы тысячу разъ оговоренное въ конституціи *право* на охрану труда, не сопровождающееся введеніемъ, скажемъ, фабричной инспекціи. Ясно, что тутъ дѣло не въ *признаніи права*, а въ *созданіи возможности*, не въ отмѣнѣ

стѣсненія, а въ цѣлесообразной организаціи функцій, не въ снятіи запрета и обезпеченіи простора, а въ созданіи или реорганизаціи тѣхъ учреждений, на которыхъ лежитъ данная отрасль «общепользуемой работы» и отъ устройства которыхъ зависитъ дѣйствительная реализація бумажнаго права.

Индивидуальныя права нуждаются лишь въ одномъ, — чтобы ихъ не нарушали. Роль государства здѣсь пассивная.

Коллективныя функціи государства нуждаются въ иномъ — онѣ должны выполняться. Роль государства активная; а тамъ, гдѣ его роль такова, осуществленіе права зависитъ отъ того, какъ будетъ поставлено дѣло обслуживанія, какія учрежденія будутъ выполнять данную функцію, на какихъ началахъ они будутъ построены, словомъ, каковъ будетъ производящій и распредѣляющій механизмъ. Здѣсь провозглашенія равноправія мало. Здѣсь центр тяжести лежитъ въ тѣхъ коллективныхъ органахъ, которые одни лишь могутъ осуществить право. На эти-то коллективные органы переносится здѣсь вопросъ съ отдѣльной личности и ея индивидуально-атомистическихъ правъ.

Сюда, къ этой именно категоріи и относится та сфера проявленій «національной» жизни, тотъ кругъ возбуждающихъ національную борьбу и національный гнетъ вопросовъ, который останется не ликвидированнымъ по ту сторону демократической конституціи.

Для того, чтобы наглядно показать, что первой, «атомистической» категоріей правъ не исчерпывается задача ликвидаціи національнаго гнета, что за вычетомъ элементарныхъ формъ гнета, устраняемыхъ этими правами, остается еще обширная область, всецѣло подпадающая подъ дѣйствіе установленной выше второй категоріи правъ, мы будемъ аргументировать на конкретномъ примѣрѣ *народной школы*. Это тѣмъ удобнѣе, что вопросъ о народной школѣ служитъ не только наиболее яркимъ примѣромъ, но

и является однимъ изъ важнѣйшихъ спорныхъ пунктовъ по существу.

Мы легко согласимся на томъ, что народная школа не можетъ быть отнесена къ числу тѣхъ Privatsachen, какими являются, напр., религія, семейная жизнь и т. п., которыя находятся или должны находиться въ рукахъ частныхъ лицъ, всецѣло предоставленныя ихъ личному почину и добровольной инициативѣ. Въ программѣ «Рос. С.-Д. Р. П. съ полнымъ основаніемъ фигурируетъ требованіе «дарового» и обязательнаго общаго и профессиональнаго образованія для всѣхъ дѣтей обоого пола до 16-ти лѣтъ». Ясно, что разъ образованіе должно быть даровымъ и обязательнымъ, оно не можетъ быть предоставлено волѣ судебъ и свободному почину отдѣльныхъ личностей или самопроизвольно зарождающихся обществъ; оно должно быть въ рукахъ органовъ власти, обладающихъ принудительною силою.

А если такъ, то надо считаться съ неизбежно вытекающими отсюда выводами. Мы имѣемъ дѣло съ Россіей, государствомъ типа «Nationalitätenstaat», въ которомъ подъ властью единого правительства сгруппирована цѣлая масса разнообразнѣйшихъ національностей, сложившихся въ одинъ общій государственный организмъ. Государство должно снабжать школами всѣ эти національности. Оно должно ихъ обслуживать такъ, чтобы не имѣла мѣста майоризація меньшинства большинствомъ, чтобы не происходило подавленія одной національности другою, чтобы не проводилась политика принудительной или искусственно вызываемой ассимиляціи. Это значитъ, другими словами что постановка народнаго образованія должна быть свободной отъ единообразія, должна утратить свой *русскій* характеръ. Она должна дифференцироваться сообразно съ тѣмъ разнообразіемъ народностей, съ которымъ ей приходится считаться. Она должна приспособляться къ различнымъ національностямъ, не утратившимъ, несмотря на свое политическое сожительство, своего языка, литературы, искусства, бытовыхъ особенностей, психическаго уклада —

всей культурной фizioноміи и предъявляющихъ разнообразнѣйшія требованія, различные запросы, настойчиво требующихъ удовлетворенія.

И мы спрашиваемъ себя: можетъ ли единая и нераздѣльная государственная организація, хотя бы и въ самой свободной Россіи выполнить эти многообразныя функціи. Можетъ ли она приспособляя школу къ запросамъ предъявляемымъ ей *нерусской* культурной жизнью, вмѣстѣ съ тѣмъ приноравливать ее къ культурному укладу *поляковъ*, переживающихъ иную стадію развитія, идущихъ инымъ темпомъ впередъ, можетъ ли она одновременно съ этимъ отдать должное интересамъ *митовскаго* населенія, нуждающагося опять-таки въ иной постановкѣ дѣла, можетъ ли она вмѣстѣ съ тѣмъ организовать учебныя заведенія пригодныя для *латышей, евреевъ, грузинъ, армянъ* и пр. и пр. И если это невозможно при идеальномъ безпристрастіи правительства, то насколько немислимой представляется такая перспектива въ странѣ, подобной Россіи, съ громаднымъ перевѣсомъ русскаго населенія. Неправильно и наивно было бы представленіе о социальныхъ отношеніяхъ въ будущей Россіи, какъ о картинѣ чистой и непримѣсной классовой борьбы между арміей пролетаріевъ различныхъ національностей Россіи съ одной стороны и такой же «*всенациональной*» арміей россійской буржуазіи съ другой. Если пролетаріатъ по самому своему классовому существу предрасположенъ и вынуждается къ подобнаго рода сплоченію, то буржуазія—опять-таки въ силу своего специфическаго классоваго характера—способна лишь въ исключительные моменты, подъ давленіемъ крайней, острой нужды, объединяться во «*всенациональный*» «блокъ». Ея обычное состояніе—разорванность, внутреннія распри и нескончаемая взаимная грызня конкурирующихъ одна съ другой національныхъ фракцій; буржуазія всегда разъединена, всегда враждуетъ по линіи національнаго раздѣленія. И та національная группа буржуазіи, которая оказывается въ наиболѣе выгод-

номъ положеніи въ силу ли своего количественнаго перевѣса, въ силу ли иныхъ причинъ, неизмѣнно накладываетъ свою могучую лапу на государственный организмъ. Какъ и теперь, такъ и въ «свободной» Россіи «коренная» *русская* буржуазія будетъ господиномъ наложенія. Она будетъ налагать свой властный отпечатокъ на ходъ государственной работы, будетъ поставлять главную массу государственныхъ дѣятелей и административнаго персонала и направлять всю культурную дѣятельность государства по линіи своихъ интересовъ. Она будетъ стремиться—и не безъ успѣха—къ тому, чтобы превратить правительственный аппаратъ въ свой послушный механизмъ и использовать всѣ выгоды своего положенія для обезличенія, нивелировки, ассимиляціи «враждебныхъ» ей національных культуръ. Вотъ, кто будетъ осуществлять «право» народностей на національную школу. Вотъ кто будетъ управлять «просвѣтительнымъ» аппаратомъ.

Декретировать право мелкихъ націй на національное образованіе и оставлять реализацію этого права въ рукахъ господствующей буржуазіи значить обѣщать все и не давать ничего.

Этимъ именно недостаткомъ страдаетъ пресловутый § 8 программы Росс. С. Д. Р. П. заключающій въ себѣ, по мнѣнію иныхъ, все содержаніе «національной автономіи». Этотъ параграфъ оговариваетъ «право населенія получать образованіе на родномъ языкѣ, обезпечиваемое созданіемъ на счетъ государства и органовъ самоуправленія необходимыхъ для этого школъ». Пожеланіе, разумѣется, превосходное*), составляющее большой шагъ впередъ по сравненію съ полнымъ отсутствіемъ подобнаго пункта въ первоначальномъ проектѣ программы—не даромъ представители Бунда на II съѣздѣ Партіи съ такимъ упорствомъ настаивали на его включеніи;—но вѣдь это всего лишь шага. Что съ того, что программа требуетъ созданія

*) Хотя и не полное: дѣло не въ одномъ лишь языкѣ.

школь съ преподаваніемъ на родномъ языкѣ, если она одновременно съ этимъ оставляетъ все дѣло образованія въ такихъ рукахъ, въ которыхъ созданіе «необходимыхъ» школь является абсолютной утопій. Что толку отъ этого, маниловски выраженнаго пожеланія, оставляющаго въ силѣ тотъ порядокъ, при которомъ это пожеланіе не можетъ не остаться пустой фразой. Здѣсь рѣчь должна итти не о „правѣ“ населенія на удовлетвореніе его законной потребности—образованія на родномъ языкѣ,—а о той организаціи соотвѣтствующихъ учрежденій, при которой это «право» изъ слова стало бы фактомъ.

Чрезвычайно любопытно сопоставить съ этимъ пунктомъ программы слѣдующую декларацію, сходную съ ней даже по выраженіямъ: «Въ областяхъ, въ которыхъ живетъ нѣсколько народностей, публичныя учебныя заведенія должны быть устроены такъ, чтобы каждая изъ этихъ народностей, не будучи вынуждаема къ изученію второго языка, имѣла необходимыя средства для полученія образованія на своемъ языкѣ».

Эта выдержка представляетъ ничто иное, какъ одинъ изъ параграфовъ конституціи 21 декабря 1867 года, понынѣ дѣйствующей въ *Австріи*, той самой Австріи, которая, несмотря на это прекрасное принципиальное обѣщаніе, является ареной самой ожесточенной національной борьбы и самага безпощаднаго угнетенія національной культуры и образованія. Да вообще, самый бѣглый обзоръ исторіи національнаго вопроса показываетъ, что всегда, когда только мало-мальски серьезно вставалъ этотъ вопросъ, неизмѣнно буржуазные политики отдѣлывались отъ него торжественнымъ признаніемъ равноправія всѣхъ націй, неотъемлемаго права каждой народности на родной языкъ, родныя школы и пр., и пр., и съ той же желѣзной неизмѣнностью эти торжественныя деклараціи оставались тѣмъ, чѣмъ онѣ не могли не быть,—т. е. голой фразеологіей: провозглашая права націй, эти напыщенные параграфы не

создавали тѣхъ *юридическихъ коллективностей*, которыя одни только могли бы осуществить эти права.

Нужды нѣтъ, что теперь положеніе дѣлъ въ парламентахъ измѣнилось, нужды нѣтъ, что на сцену выступили рабочія партіи. Самая рѣшительная настойчивость социал-демократіи не можетъ помочь провести въ жизнь благое пожеланіе, для реализаціи котораго государство не имѣетъ соотвѣствующихъ орудій—органовъ; никакая ожесточенная борьба рабочей партіи за исполненіе § 8 программы не можетъ сдѣлать государственную власть буржуазнаго общества способной стать выше націй.

Мы аргументировали до сихъ поръ, имѣя въ виду центральные органы правительственной власти, или, выражаясь оффиціально, министерство народнаго просвѣщенія; мы оперировали со столицей. Перейдемъ теперь въ провинцію. Представимъ себѣ наиболѣе благопріятное положеніе: отказъ отъ бюрократизма, широкое областное и мѣстное самоуправленіе (какъ того требуетъ § 3 программы Росс. Партіи), передачу максимальной части образовательныхъ функцій въ руки органовъ этого самоуправления. Что тогда получится? Не болѣе и не менѣе, какъ то же самое, съ чѣмъ мы уже встрѣтились при анализѣ «просвѣтительной» работы центральныхъ учреждений, только въ нѣсколько уменьшенномъ масштабѣ. Такъ какъ тѣ части Россійскаго государства, которыя населены не «кореннымъ» населеніемъ, нигдѣ не образуютъ территоріи съ однороднымъ національнымъ составомъ, то мы будемъ опять имѣть дѣло съ рядомъ провинцій, въ которыхъ живутъ перемѣшавшіся (и все болѣе перемѣшиваясь) между собою 2, 3 и болѣе разнородныхъ національностей. То же положеніе, въ которомъ оказалось бы Петербургское министерство, вынужденное обслуживать рядъ разнокалиберныхъ народностей, будетъ удѣломъ и какого-нибудь Виленскаго или Бакинскаго областного или губернскаго самоуправления, поставленнаго въ ту же необходимость приносиваться къ нуждамъ *разноплеменныхъ* массъ. Тамъ

было бы майоризированіе со стороны націи, господствующей въ странѣ, здѣсь будетъ майоризированіе со стороны націи, господствующей въ данной области. И здѣсь, какъ и тамъ, „право получать образованіе на родномъ языкѣ“ остается для всѣхъ „второстепенныхъ“ націй бумажной наклейкой.

Все это совершенно ясно, какъ ясно и то, что никакая социалдемократія не можетъ устранить этого угнетенія меньшинства большинствомъ (буржуазнымъ большинствомъ!), не устранивъ предварительно тѣхъ государственныхъ формъ, которыя прямо-таки провоцируютъ это угнетеніе. А такой государственной формой являются «всенациональныя» просвѣтительныя учрежденія, находящіяся номинально въ рукахъ всего населенія «безъ различія націй», а фактически идущія подъ командой буржуазіи *господствующей* націи.

Будутъ ли это учрежденія центральныя, областныя или мѣстныя, но въ силу своего разноплеменнаго состава и въ силу того, что они завѣдуютъ тѣми именно функціями, въ которыхъ въ самомъ чистомъ и самомъ рѣзкомъ видѣ даетъ себя знать національное начало, они всегда будутъ служить ареной національнаго угнетенія, национальной борьбы. Эти учрежденія будутъ наилучшей «гарантіей» того, что прокламированное „право“ населенія, принадлежащаго къ болѣе слабой націи, будетъ систематически попирается, и что культурная жизнь народности, не играющей первой скрипки въ государствѣ или хотя бы исторической области, будетъ подвергаться принудительному воздѣйствію чужой культуры, ассимилирующей не въ силу своего внутреннего, превосходства, а благодаря выгодной политической позиціи. Ужъ это одно обстоятельство должно было бы побудить социалдемократію, допускающую лишь свободное соревнованіе культуръ и видящую крайній вредъ въ политикѣ насильственной ассимиляціи меньшинства большинствомъ, къ тому, чтобы высказаться въ пользу изыятія этихъ культурныхъ функцій изъ рукъ общихъ «всенациональныхъ» учрежде-

ній и передать ихъ въ руки національных учреждений, избираемыхъ каждой націей для себя.

Но есть еще одно, несравненно болѣе важное для насъ соображеніе.

Мы уже сказали, что общегосударственныя, областныя или мѣстныя „всеонаціональныя“ учрежденія неизбѣжно должны служить, по самому существу своему, ареной національных треній. И эта-то неизбѣжность національных треній—даже независимо отъ того гнета, который является ихъ результатомъ,—является серьезнѣйшимъ стимуломъ къ отмѣнѣ тѣхъ учреждений, которыя самимъ фактомъ своего существованія поддерживаютъ и питаютъ столь опасный для пролетарскаго движенія факторъ реакціи. Здѣсь система нашихъ дѣйствій внятно подсказывается намъ самой сущностью нашихъ принципиальныхъ взглядовъ вообще, а въ частности нашего взгляда на національный вопросъ.

Какъ и всякій вопросъ, находящій себѣ мѣсто въ социалдемократической программѣ-минимумъ, такъ и національный вопросъ интересуется насъ далеко не съ одной лишь точки зрѣнія устраненія той или иной тягости, лежащей на плечахъ рабочаго класса. Всегда и неизмѣнно обязательная точка зрѣнія социалдемократіи заставляетъ разсматривать всякій вопросъ еще съ одной стороны, занимающей по своей важности неоспоримо первое, центральное мѣсто. Эта сторона—созданіе наиболѣе удобной обстановки для развитія классовой борьбы, классового сознанія пролетаріата. И разсмотрѣнныя подъ этимъ угломъ зрѣнія условія функціонированія буржуазнаго Nationalitätenstaat'a также настойчиво требуютъ мѣропріятій въ духъ предлагаемаго нами рѣшенія, какъ и тѣ соображенія, которыя мы приводили выше.

Мы уже подходили къ вопросу о томъ значеніи, которое будетъ имѣть національная борьба въ будущей конституціонной Россіи. Если въ современной Россіи главнымъ очагомъ націоналистической травли является су-

ществующій режимъ, допускающій и разжигающій національную рознь лишь постольку, поскольку это *ему* нужно, и дѣлающій это такъ, какъ *ему* выгодно; связывающій въ любой моментъ по рукамъ и ногамъ обѣ враждующія стороны и тѣмъ,—уже противъ своей воли,—толкаящій ихъ въ одинъ лагерь,—враговъ деспотическаго режима,—въ свободной Россіи картина измѣнится. Въ этой будущей демократіи, которая должна будетъ служить ареной пышнаго расцвѣта всѣхъ тенденцій капиталистическаго строя—мрачныхъ наряду со свѣтлыми,—ареной широкой, ничѣмъ не сдвливаемой борьбы между различными группами капиталистическихъ конкурентовъ, только и разыграется во всю сопутствующая капиталистической эволюціи національная борьба. Но именно потому, что это будетъ національная борьба, развивающаяся въ рамкахъ конституціоннаго демократическаго государства, она будетъ существенно отличаться отъ тѣхъ національных распрей, которыя свиваютъ себѣ гнѣздо въ современной, полу-крѣпостнической Россіи. Тѣ элементарныя формы гнета, которыя составляютъ корень національнаго вопроса настоящаго момента,—ограниченія въ правахъ, изъятія, административные запреты, исключительные законы и проч. и проч., не будутъ тамъ имѣть мѣста. А между тѣмъ, именно эти орудія и являются единственнымъ средствомъ въ рукахъ государства, исполняющаго вѣлѣнія господствующей буржуазіи, наносить „подчиненной“ націи удары въ области тѣхъ общихъ соціально-политическихъ отношеній, которыя выходятъ изъ рамокъ собственно національнаго «интереса». Въ тѣхъ сферахъ жизни, гдѣ еврей фигурируетъ не какъ еврей—носитель извѣстнаго культурнаго облика,—а какъ производитель или покупатель, какъ житель извѣстной административной единицы или гражданинъ, занимающійся извѣстной профессіей, демократическое государство—поскольку оно остается демократическимъ—безсильно поставить его въ исключительное положеніе. Прибѣгнуть къ

дѣйствию изъятія, временныхъ правилъ и исключительныхъ законовъ оно не можетъ въ силу своего демократизма; вступать на путь легальнозаконодательной борьбы—бесполезно, потому что, поскольку мишенью для дѣйствія закона становится не какое-либо проявленіе специфически національной жизни,—его удары будутъ выходить за предѣлы преслѣдуемой націи, распространяясь на всѣхъ представителей данной профессіи или класса или территоріи и т. д. Преслѣдовать еврея-ростовщика будетъ значить—преслѣдовать всѣхъ ростовщиковъ, и ограничить въ правахъ еврея-посредника можно будетъ лишь путемъ борьбы со слоемъ посредниковъ вообще; а этимъ борьба будетъ перенесена съ національной почвы на классовую.

Лишь тамъ, лишь въ тѣхъ сферахъ политической жизни еврей будетъ уязвимъ, гдѣ онъ будетъ выступать какъ таковой, именно какъ еврей; а роль этой ахиллесовой пяты могутъ сыграть лишь вопросы культурной жизни. Здѣсь нужды еврейскаго населенія опредѣляются не только тѣмъ, что оно живетъ въ извѣстной области, занимается извѣстными промыслами, принадлежитъ къ такому-то классу, они опредѣляются еще и принадлежностью къ еврейской націи. Сюда можно направлять удары противъ нихъ, не рискуя нарушить демократическій кодексъ и не задѣвая вмѣстѣ съ тѣмъ родственные интересы иноплеменной буржуазіи; сюда, да еще въ сферу общественнаго бойкота, поддерживающаго неофициально то, отъ чего государство вынуждено было официально отказаться.

Здѣсь-то, въ этой области культурныхъ функцій—народной школы, какъ и другихъ просвѣтительныхъ учреждений, вѣдающихъ дѣла языка, науки и искусства—и сконцентрируется вся накопившаяся энергія воинствующаго націонализма; и эта область должна будетъ стать центральной площадью національныхъ треній. Сюда будетъ выливаться вся воспитанная реакціонными силами

ненависть противъ «чужой» національности, не находящая себѣ простора въ другихъ сферахъ государственной жизни и концентрирующаяся, какъ въ фокусѣ въ этой области проявленія «національныхъ» функцій *par excellence*. Здѣсь будутъ находиться то русло, по которому направятся ассимиляторскія вождельнія, то орудіе, при помощи котораго будутъ проводиться въ жизнь шовинистическіе планы подавленія количественно слабыхъ національныхъ группъ.

А навстрѣчу нападенію будетъ подниматься обратная волна отпора, будетъ происходить мобилизація своего рода національной самообороны. И какъ результатъ — „все-національныя“ просвѣтительныя учрежденія окажутся въ роли постоянной арены ожесточенныхъ національныхъ схватокъ. Каждый вопросъ, который будетъ ставиться на *Tagessordnung* этихъ учреждений, каждая новая школа, каждое новое вакантное мѣсто, каждое измѣненіе учебной программы или новая ассигновка бюджета, должны непременно играть роль новаго повода къ войнѣ, неизбежно разбивая каждое такое собраніе на два (или болѣе) враждебныхъ лагеря, раздѣляя ихъ по линіи національной розни.

Соціалдемократія будетъ бессильна предпринять что-либо противъ этой постоянной взаимной тяжбы представителей различныхъ націй, Болѣе того, хотя эта борьба порождается буржуазіей, хотя она ведется между различными группами разноплеменныхъ буржуазій, соціалдемократія не сможетъ даже стоять въ сторонѣ. Пролетаріатъ не можетъ предоставить буржуазіи защиту своихъ школъ, потому что его кровный интересъ, его культурныя потребности неизбежно толкаютъ его на отстаиваніе нужныхъ ему средствъ культурнаго развитія противъ враждебныхъ ему реакціонныхъ силъ, желающихъ, подъ маской ассимиляціи, отрѣзать его отъ всякаго просвѣщенія. Онъ вынужденъ будетъ вмѣшаться въ эту борьбу противъ инородной буржуазіи и повести противъ нея систематическую кампанію. Онъ будетъ поставленъ въ постоянную

необходимость, рука объ руку со своей одноплеменной буржуазіей обороняться противъ нападающей на нихъ буржуазіи иной народности. Онъ будетъ вынужденъ отстаивать свою школу, свой языкъ, свою культуру, отъ угрожающаго дѣлу его образованія врага-«чужака». Эта борьба неизбежно будетъ располагать къ національному фанатизму и національной исключительности, къ ненависти ко всему чужому, иноплеменному; а съ другой стороны, она будетъ въ силу своей внутренней логики такъ же неизбежно толкать рабочихъ въ объятія ихъ «родной», одноплеменной буржуазіи—ихъ естественнаго союзника въ борьбѣ съ «чужими», она будетъ вести за собой консолидацію различныхъ классовъ въ одинъ общій національный «блокъ». Она будетъ раздваивать сознание и борьбу рабочаго, выдвигая наряду съ классовымъ антагонизмомъ, национальную вражду и подмѣняя борьбу съ эксплуататорами борьбой противъ «иноплеменнаго» ига. Самый фактъ постоянной національной тяжбы, хронически ставя рядомъ рабочаго и буржуа подъ общимъ національнымъ лозунгомъ противъ общаго національнаго врага, будетъ естественно создавать извѣстную психологическую связь между этими двумя, враждебными между собою классами, затирая классовый инстинктъ, разжигать націоналистическія настроенія, и—хотя и не будутъ въ силахъ искоренить сознание классового интереса,—все же будетъ огромнымъ тормазомъ для его яснаго и отчетливаго пониманія, очищеннаго отъ всякихъ затемняющихъ его наростовъ.

Надо ли еще говорить о томъ, какъ пагубно для дѣла социалдемократіи такое положеніе, какая отравленная атмосфера создается вокругъ сознательныхъ пролетаріевъ, ежеминутно вынужденныхъ отражать новые натиски шовинистическихъ настроеній, вынужденныхъ постоянно бороться съ соблазномъ націоналистическаго разврата, постоянно навязываемаго имъ самой практикой политической работы. И какимъ бы серьезнымъ факторомъ ни являлось сознание пролетарской солидарности, не слѣдуетъ забывать,

что это сознание не есть ничто раз навсегда данное в неизменном и готовом виде; в том-то и заключается наша задача, чтобы развивать и укреплять это сознание, и этой именно задачей становится поперек дороги то огромное препятствие, о котором у нас здесь идет речь.

Не ясно ли, что именно с той истинно социалдемократической точки зрения, которая требует решительной и неуклонной борьбы за такие политические формы, которые в современном строе представляли бы наименьшую сумму препятствий для выработки ясного и непримысленного пролетарского сознания, было бы грешно пройти мимо этого серьезного зла без единой попытки устранить его с нашей дороги.

Основное зло «всеукраинских» культурных учреждений в том, что они питают националистическую возбудимость.

Националистическая возбудимость излечивается не тем, что будет продолжаться раздражение заболевшего органа. Этот орган должен быть либо реформирован, либо устранен. Он не должен оставаться в своей прежней роли очага дальнейших заболеваний. Существованию его в таком виде должен быть положен конец.

Ни государство, ни органы самоуправления, словом никакие учреждения, обладающие разноплеменным составом, не могут и не должны выполнять этих «больных» функций. Эта область общественной жизни должна быть *изъята из их рук*. Не подлежа передаче частной инициативе, эти функции передаются *нациям*. Нации таким образом *размежевываются* между собой. Каждая из них самостоятельно, без участия другой, заведует своими культурными делами. Устраняется всякая необходимость взаимных трений и борьбы. Открывается широкое поле для чисто классовой борьбы в рамках каждой национальной группы, борьбы не затемняемой и не заслоняемой необходимостью отстаивать свои интересы в процессе национальных столкновений; классовая борьба очи-

щается и упрощается. Для завѣдыванія своими культурными дѣлами—и *только для этого*—каждая нація образуетъ юридическое коллективное цѣлое. Необходимые для функціонированія этого «юридического лица» органы она избираетъ на демократическихъ началахъ путемъ всеобщаго избирательнаго права. На эти органы и переносится та государственная компетенція въ этой области, которой лишилась центральная власть съ изъятіемъ изъ нея вѣдѣнія даннаго круга вопросовъ. Поскольку имѣются общія для всей страны культурныя нужды, приходящіяся не подъ силу отдѣльной націи, на эти запросы отвѣчаетъ федеративный союзъ національныхъ сеймовъ, создающій вмѣстѣ съ тѣмъ почву, на которой пролетаріи разныхъ націй могутъ объединять свои усилія даже въ области этого, „размежеваннаго“ круга вопросовъ.

Въ этомъ заключается сущность *Культурно-національной автономіи* въ ея наиболѣе чистомъ видѣ. Иначе выраженная, національная автономія есть не что иное, какъ *національное самоуправленіе*. При этомъ нація самоуправляется лишь въ той области вопросовъ, въ которой проявляется *національная жизнь*, какъ таковая, т. е. въ области культурныхъ вопросовъ. Этимъ ограничивается ея компетенція. Для всѣхъ остальныхъ дѣлъ и функцій „національный союзъ“ становится какъ бы несуществующимъ. Его члены фигурируютъ уже не въ роли представителей данной націи, а просто въ роли жителей той или иной административной единицы, избирателей въ тѣ или иные органы областного самоуправленія гражданъ россійскаго государства. Эти категоріи остаются въ завѣдованіи общихъ учреждений, въ то время, какъ первая переходятъ въ руки учреждений національно автономныхъ.

Намъ не представляется возможнымъ въ настоящее время итти дальше общихъ директивъ въ данномъ вопросѣ; детальная разработка умѣстна будетъ въ то далекое еще время, когда на основѣ нашихъ программныхъ пунктовъ будетъ производиться выработка конкретныхъ зако-

нопроектовъ. То принципиальное содержаніе, которое важно уяснить себѣ сейчасъ, находить себѣ достаточно полное въ этихъ двухъ словахъ: *національное самоуправленіе*.

Мы отстаиваемъ это начало, во-первыхъ, какъ принципъ *самоуправленія*, желая этимъ подчеркнуть недостаточность *индивидуальной*, атомистически понимаемой свободы, недостаточность платонически провозглашаемыхъ правъ и категорическую необходимость *коллективныхъ органовъ*, которые одни только могутъ послужить въ большей или меньшей степени гарантіей фактическаго равноправія.

Оно важно для насъ, во-вторыхъ, именно какъ *національное самоуправленіе*: мы хотимъ этимъ подчеркнуть, что та коллективная единица, въ которой мы видимъ залогъ мирнаго разрѣшенія вопроса, должна быть не *территоріальной*, не *областной*, а *національной*; участіе въ ней должно опредѣляться не *проживаніемъ* въ томъ или иномъ мѣстѣ, а принадлежностью къ данной націи безотносительно къ той территоріи, которую она занимаетъ.

Мы не выступаемъ противниками *областного* самоуправления. Въ такой громадной странѣ, какъ Россія, нескончаемое разнообразіе мѣстныхъ условій, должно естественно вызвать извѣстную децентрализацію, полезную и необходимую. Мы только говоримъ, что *національнаго* вопроса это самоуправленіе не разрѣшаетъ, и это по той простой причинѣ, что понятія: «нація» и «населеніе территоріи» не совпадаютъ. Мы уже указывали на то, что *территоріальная автономія* освобождаетъ въ лучшемъ случаѣ лишь господствующую въ этой провинціи націю, оставляя въ зависимости всѣ остальные. Мы должны добавить, что и члены этой, привилегированной націи свободны отъ угнетенія лишь до тѣхъ поръ, пока они остаются въ предѣлахъ «своей» провинціи. Выѣзжая за ея границы они попадаютъ тамъ во власть иной націи, являющейся въ свою очередь господиномъ положенія на «своей» территоріи.

Къ сожалѣнію, *территоріальная автономія*, какъ отвѣтъ

на національний вопросъ, и до сихъ поръ служить лозунгомъ болѣе популярнымъ, чѣмъ національная автономія. Ложныя традиціи територіализма, ошибочно переносимаго въ область національнаго вопроса служатъ причиной этого представленія. Отъ этихъ традицій надо отказаться. Какую ни занимать позицію въ теоретическомъ спорѣ о томъ, является ли территорія необходимымъ признакомъ націи или нѣтъ, надо же во всякомъ случаѣ считаться въ реальной политикѣ съ тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что, составляя хотя бы значительное большинство на своей территоріи, ни одна нація (по крайней мѣрѣ, изъ числа угнетенныхъ) не заселяетъ своей территоріи сплошь, не оставляя мѣста для другихъ.

Это результатъ историческаго развитія націй, и съ этой исторической тенденціей обязанъ считаться въ своей политикѣ социалдемократъ. Если капитализмъ и не занимается той, воистину каррикатурной пульверизаціей національностей по всему протяженію государства (какъ это представляется тому или иному «марксисту»), все же онъ ставитъ окончательно крестъ надъ замкнутыми областями съ однороднымъ національнымъ составомъ. Онъ мобилизуетъ населеніе, дѣлаетъ его подвижнымъ, гонитъ массы рабочаго люда изъ города въ городъ, разрываетъ связь между населеніемъ и землей и отодвигаетъ въ область далекихъ воспоминаній сплошную національную окраску мало-мальски крупныхъ територіальныхъ единицъ. Въ силу этой тенденціи тѣ два вопроса, которые при наличности этой сплошной окраски покрываютъ другъ друга, вопросъ територіальный и вопросъ національный расходятся все дальше и дальше. Территоріальное самоуправленіе остается само по себѣ въ силѣ, отвѣчая на рядъ особыхъ нуждъ територіальнаго же характера. Но національный вопросъ остается внѣ сферы его вліянія, требуя своего особаго рѣшенія и отвѣта. Для того, чтобы сдѣлать общую формулу «самоуправленія» пригодной къ ликвидаціи *этой* задачи, нужно замѣнить негодную и устарѣв-

шую здѣсь «числовую величину»—территорію—инымъ понятіемъ, руководясь при этомъ историческими тенденціями современнаго капиталистическаго строя. Это иное понятіе—есть *нація*, какъ сумма всѣхъ индивидуумовъ, принадлежащихъ къ данной культурно-исторической группѣ, независимо отъ ихъ районнаго разселенія.

На *національный* вопросъ даетъ адекватный отвѣтъ лишь *національная* же автономія.

Изъ соединенія этого постулата съ остальными нашими требованіями въ этой области, требованіями *гражданскаго равноправія евреевъ* и *полноправія еврейскаго народнаго языка*—составляется наша программа въ *національномъ* вопросѣ.

Каутскій о національномъ вопросѣ въ Россіи *).

«Исчерпывающимъ образомъ изложить свое мнѣніе по этому вопросу въ немногихъ страницахъ—дѣло невозможное. Въдѣ нація не есть общественное цѣлое, разѣ навсегда данное отъ природы, какъ это полагають ученые, отыскивающіе въ націи признаки расы. Нѣтъ, это такое общественное цѣлое, которое въ различное время можетъ быть вызвано къ жизни самыми различными условіями, принимаетъ самыя различныя формы, постоянно и непрерывно измѣняясь и развиваясь. Даже современные культурные народы вкладываютъ самое различное содержаніе въ понятіе національности, сообразно своему особому историческому развитію, что, какъ извѣстно, приводитъ къ немалымъ затрудненіямъ на каждомъ изъ нашихъ интернаціональных конгрессовъ. Возьмите націю французскую, ирландскую, австрійскую, еврейскую, армянскую; каждая изъ нихъ представляетъ собою нѣчто совершенно особое, отличное отъ всѣхъ другихъ.

Но какъ ни различны между собою націи, извѣстныя въ исторіи, одинъ общій признакъ у нихъ все же есть: *общность языка*. Не всѣ люди, говорящіе на одномъ языкѣ, образуютъ всегда одну націю, но всѣ члены одной націи говорятъ на одномъ языкѣ. Языкъ есть важнѣйшее связующее звено всякаго общественнаго цѣлаго, безъ общности языка никакая совмѣстная общественная дѣятельность невозможна.

Но національное единство или общность языка вовсе не всегда и по необходимости совпадаютъ съ единствомъ государственнымъ, а отсюда возникаютъ конфликты, составляющіе сущность современныхъ національных вопросовъ.

До зарожденія современнаго капиталистическаго способа производства, одно государство могло безъ особыхъ затрудненій обнимать собой самыя различныя національности. Какое-нибудь средневѣковое или восточное государство могло состоять изъ цѣлаго конгломерата самыхъ различныхъ общинъ, областей, феодальныхъ владѣній, между собою свя-

занныхъ слабо, сами улаживающихъ свои внутреннія дѣла, сносящихся съ центральной властью каждая за себя, причемъ и эти сношенія касались почти исключительно размѣровъ податей, которыми центральная власть распоряжалась сама, какъ ей было угодно. Каждая изъ этихъ общинъ или областей могла принадлежать особой національности, центральная власть — другой національности, и это не мѣшало имъ всѣмъ вмѣстѣ составлять одно государство. Зато и связь такихъ государствъ была чрезвычайно слаба. Какой-нибудь счастливый завоеватель могъ за ночь стать главой міровой имперіи, и одного потеряннаго сраженія могло быть достаточно, чтобы такая имперія распалась на тысячи частей.

Капиталистическій способъ производства вызвалъ живыя сновенія, какъ между отдѣльными общинами и областями одного государства, такъ и между всѣми ими и ихъ торговыми и промышленными центрами. Онъ уничтожилъ обособленность отдѣльныхъ областей, установивъ самую тѣсную связь между ними, и вызвалъ интересъ къ формѣ государства и способу управленія сначала въ классахъ, ближе всего стоящихъ къ капиталистическому производству, — капиталистахъ, интеллигенціи, промышленномъ пролетаріатѣ, мелкой буржуазіи крупныхъ городовъ, а съ теченіемъ времени даже въ мелкой буржуазіи небольшихъ городовъ и въ крестьянствѣ. Демократическіе инстинкты низшихъ демократическихъ классовъ, до этихъ поръ ограничивавшіеся тѣсными предѣлами общины или области, теперь стали распространяться на все государство: возникла потребность въ демократическомъ устройствѣ послѣдняго. Но одновременно съ этимъ національныя различія стали все болѣе и болѣе приходить въ столкновеніе съ стремленіемъ къ государственному единству. Наиболѣе крѣпкими въ своей цѣльности и мощными оказались тѣ государства, въ которыхъ всѣ говорили на одномъ языкѣ. Въ государствахъ же съ нѣсколькими языками началась борьба національностей между собой. Дѣло въ томъ, что современное государство стремилось къ тому, чтобы самое мощное связующее звено всякаго общества языкъ, былъ у него однимъ, чтобы на немъ велось преподаваніе, чтобы только онъ одинъ употреблялся въ правительственныхъ и судебныхъ учрежденіяхъ. И вотъ, та національность, языкъ которой для этого избирался, тѣмъ самымъ получала огромныя политическія и экономическія преимущества передъ всѣми другими. Это, естественно, вызвало самое сильное сопротивленіе со стороны обойденныхъ націй. Чѣмъ болѣе развивается капиталистическій способъ производства и усиливаются стремленія къ созданію совре-

меннаго цѣльнаго и единаго государства, тѣмъ болѣе разрастаются въ нѣдрахъ его не только общегосударственныя демократическія стремленія, но и, если оно обнимаетъ нѣскольکو націй, борьба національная. И первая и вторая — дѣти одной матери и естественной необходимостью связаны съ современнымъ развитіемъ.

Съ другой стороны, съ усиленіемъ сношеній растеть обменъ идей не только между членами одной націи, но и различныхъ государственныхъ единицъ, и чѣмъ ярче разгорается національная борьба, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ каждая національность потребность въ тѣсномъ объединеніи всѣхъ частей, какъ лучшимъ средствѣ для того, чтобы въ полной мѣрѣ развитъ всѣ свои силы. Капиталистическій способъ производства вызываетъ, такимъ образомъ, въ націяхъ, части которыхъ живутъ на различныхъ территорияхъ, граничащихъ другъ съ другомъ, но принадлежащихъ къ различнымъ государствамъ, потребность въ объединеніи всѣхъ этихъ территорій въ одно государство и, слѣдовательно, въ отдѣленіи отъ прежнихъ государствъ.

И эта національная тенденція, подобно первой, съ естественной необходимостью вытекаетъ изъ современнаго экономическаго развитія и въ такой же мѣрѣ не можетъ быть задержана, какъ само это развитіе. Тамъ, гдѣ такія національныя тенденціи борются еще за свое признаніе, каждая передовая партія, а, слѣдовательно, и представительница пролетаріата, социалдемократія, должна съ этой необходимостью считаться; какъ она поддерживаетъ всякія стремленія къ демократическому устройству государства, такъ она должна поддерживать стремленія къ государственному объединенію и самостоятельности тѣхъ націй, среди которыхъ она живетъ и работаетъ. Въ этомъ смыслѣ она должна слѣдовательно, быть въ такой же мѣрѣ національной, какъ демократической.

Но въ такой же мѣрѣ, какъ она не можетъ и не должна быть буржуазно-демократической партіей, она не можетъ и не должна быть націоналистичной въ томъ же смыслѣ, какъ господствующіе классы. Какъ національная, такъ и демократическая ея политика должна быть въ полномъ согласіи съ сущностью классовой борьбы пролетаріата, что придаетъ имъ своеобразный отпечатокъ.

Прежде всего социалдемократія не можетъ не быть ярой противницей того реакціоннаго націонализма, носителями котораго являются большей частью классы, въ экономическомъ отношеніи реакціонные, какъ дворянство, мелкая буржуазія и ихъ идеологи. Эти классы не разсматриваютъ на-

ціональныхъ цѣлей, какъ нѣчто новое, коренящееся въ современныхъ условіяхъ, а выводить ихъ изъ старыхъ традицій, которыя они пытаются возродить. У націй, исторія которыхъ имѣетъ множество блестящихъ страницъ, стремленіе это можетъ временами вдохновить и такихъ идеологовъ, которыхъ въ другихъ отношеніяхъ къ реакціонерамъ отнести никакъ нельзя.

Такъ, нѣмецкіе либералы склонны были разсматривать германское единство, какъ возрожденіе средневѣковой германской имперіи; чехи и даже ихъ демократы хотѣли бы возстановить государство старыхъ богемскихъ королей; среди поляковъ жива еще мечта о возрожденіи старой Польши, а между тѣмъ эти старыя государства вовсе не были національными государствами въ современномъ смыслѣ; вѣдь до зарожденія капиталистическаго способа производства основы государства были совершенно другія и никоимъ образомъ не національныя. Германо-римская имперія, надъ которой владычествовали Гогенштауфены, простиралась отъ Даніи до Сициліи; потомки Пшемисла, въ эпоху наибольшаго своего могущества властвовали надъ страной, раскинувшейся отъ Исполинскихъ горъ до Адриатическаго моря, т. е. почти надъ всей территоріей современной Австріи за исключеніемъ Венгріи и Галиціи; владѣнія польскихъ Ягеллоновъ простирались отъ Познани до Кіева и Новгорода, и подъ ихъ властью находились не только поляки, но и нѣмцы, литовцы, русскіе казаки; точно такъ же жили самыя различныя націи въ армянскомъ государствѣ, нахсдившемся подъ властью Тиграна.

Возстановлять старое великолѣпіе — значитъ гальванизировать муміи. Но вредно даже мечтать объ этомъ, потому что эти мечты отвлекаютъ вниманіе отъ существующихъ въ дѣйствительности отношеній и играютъ въ руку всѣмъ реакціоннымъ стремленіямъ.

Но и къ современному стремленію буржуазныхъ партій, къ образованію дѣйствительно національныхъ государствъ, социалдемократія не можетъ примкнуть безъ всякихъ оговорокъ. Если она и должна признать справедливымъ стремленіе къ національной независимости и съ этимъ стремленіемъ считаться, то отсюда еще не слѣдуетъ, что она должна поддерживать это стремленіе, какую бы форму оно не приняло. А формы эти могутъ быть весьма различны.

Такъ, напримѣръ, среди различныхъ націй, населяющихъ окраины Россіи, финляндцевъ, латышей, поляковъ, малороссовъ, различныхъ кавказскихъ народностей, живо сильное стремленіе къ самостоятельности, настолько сильное, что

оно создало стремление къ уничтоженію всякаго государственнаго единства съ Россіей, къ насильственному отложенію отъ нея и полной государственной самостоятельности. Но все это движеніе направлено только противъ Россіи самодержавной. Если бы послѣдняя стала демократической, стремление этихъ націй къ независимости могло бы быть удовлетворено и инымъ образомъ: онѣ могли бы остаться въ рамкахъ русскаго государства, но съ тѣмъ, чтобы оно само преобразовалось и приняло характеръ союзнаго государства— „Соединенныхъ штатовъ Россіи“. Такое рѣшеніе вопроса могло бы даже быть выгодно отдѣльнымъ націямъ Россіи. Англійскія колоніи, напримѣръ, потому и не помышляютъ объ отдѣленіи отъ Англіи, что связь съ могущественной метрополіей лучше обезпечиваетъ имъ ихъ самостоятельность, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы каждая изъ нихъ была предоставлена самой себѣ и изолированная, имѣла бы передъ собой различныя великія міровыя государства.

То же соображеніе можетъ заставить даже сильнѣйшую изъ націй живущихъ на окраинахъ Россіи — націю съ живѣйшимъ національнымъ чувствомъ — не отдѣляться отъ имперіи. Для поляковъ, напримѣръ, — и то же самое можно сказать объ армянахъ, — національный вопросъ есть не только вопросъ о независимости отъ самодержавной Россіи, но и вопросъ объ объединеніи различныхъ частей націи въ одно единое государство. Какія бы формы не приняло это стремление къ независимости на практикѣ, во всякомъ случаѣ, поляки, какъ и армяне, большаго добьются въ томъ случаѣ, если они будутъ опираться на могущественную Россію, чѣмъ въ томъ случаѣ, если они будутъ въ ней имѣть противницу.

Выльются ли національныя стремленія поляковъ и другихъ націй, живущихъ на окраинахъ Россіи, въ стремление къ отдѣленію отъ имперіи, или въ стремление къ преобразованію ея на федеративныхъ началахъ, въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ формъ, которыя приметъ революція въ самой Россіи. Я указывалъ уже выше на дружественныя отношенія между Англіей и ея колоніями. Въ бюрократическомъ централизованномъ государствѣ такія отношенія были бы невозможны; они возможны только въ государствѣ демократическомъ. Чѣмъ мощнѣе будетъ участіе пролетаріата въ русской революціи, чѣмъ болѣе революція эта будетъ не только либеральной, а дѣйствительно демократической тѣмъ притягательнѣе будетъ имперія для ея окраинныхъ націй, тѣмъ охотнѣе онѣ предпочтутъ свободный союзъ борьбѣ съ нею. Наоборотъ, чѣмъ больше новый порядокъ въ Россіи сохранитъ элементы прошлаго, тѣмъ болѣе революція

на окраинахъ будетъ пропитана сепаратистическими тенденціями.

Но чѣмъ демократичнѣе станетъ сама Россія, тѣмъ меньше будетъ заинтересована западно-европейская демократія въ томъ, чтобы польская революція завершилась отдѣленіемъ Польши отъ Россіи. Такое отдѣленіе казалось необходимымъ до тѣхъ поръ, покуда не было никакихъ надеждъ на завоеваніе демократическаго строя въ Россіи внутренними силами ея, куда свободная Россія была дерзновенной мечтой. Тогда свободная Польша была возможна только какъ самостоятельное государство, независимое отъ Россіи, и самостоятельная Польша была необходима, какъ оплотъ противъ мощи царизма—оплотъ, защищающій Западную Европу отъ его нашествія и вліянія, дѣлающій невозможнымъ возрожденіе „священнаго союза“. Таковы же въ общемъ условія и на Кавказѣ. Отдѣленіе Кавказа отъ Россіи, какъ и сохраненіе Турціи, казались западно-европейской демократіи вплоть до конца семидесятихъ годовъ важнымъ средствомъ для ослабленія царизма и для укрѣпленія дѣла европейской демократіи.

Всѣ эти соображенія теряютъ все свое значеніе, разъ русское освободительное движеніе создастъ Россіи демократическій строй.

Въ какую бы окончательную форму ни вылилось правовое положеніе окраинъ Россіи, во всякомъ случаѣ этимъ будетъ рѣшена только часть ея національныхъ вопросовъ, но другую часть этимъ путемъ разрѣшить нельзя. Станетъ ли, напримѣръ, Кавказъ самостоятельнымъ государствомъ, или онъ образуетъ одну изъ областей, которыя войдутъ въ составъ соединенныхъ Штатовъ Россіи, положеніе армянской національности далеко еще не будетъ рѣшено. Дѣло въ томъ, что въ Россіи, какъ и на Балканскомъ полуостровѣ, въ Малой Азіи, Австріи есть немало крупныхъ областей, которыя заняты не исключительно одной національностью, а въ которыхъ живетъ нѣсколько націй, образуя пеструю смѣсь, такъ что территоріальное ихъ разграниченіе совершенно невозможно. Отсюда возникаютъ національныя проблемы, совершенно непонятныя для западноевропейца и средствами западной Европы неразрѣшимыя. Зато эти проблемы очень понятны и близки австрійцамъ. Въ Австріи же былъ сдѣланъ цѣлый рядъ весьма остроумныхъ предложеній, какъ скомбинировать самоуправленіе территоріи съ самоуправленіемъ отдѣльныхъ націй, да и въ организациі австрійской социалдемократической партіи мы находимъ практическое осуществленіе одновременно обоихъ этихъ ви-

довъ автономіи. Тѣмъ не менѣе и несмотря на то, что Австрія гибнетъ изъ-за своихъ національныхъ распрей, ея буржуазныя партіи до настоящаго времени упорно отворачивались отъ идеи національной автономіи. Въ этомъ явленіи передъ нами лишь новое доказательство того стараго факта, что при рѣшеніи всякаго общественнаго вопроса величайшее затрудненіе заключается не въ изобрѣтеніи тѣхъ или другихъ *практическихъ предложеній*, а въ *соотношеніи силъ* различныхъ классовъ. Гдѣ есть воля, тамъ есть и путь. И обратно—самый лучший путь не приноситъ никакой пользы тамъ, гдѣ нѣтъ желанія стремиться къ цѣли, къ которой этотъ путь ведетъ.

Автономія територіальная вполне совмѣстима съ духомъ буржуазнаго общества, ибо она отдѣляетъ одну націю отъ другой, создавая изъ каждой особой индивидъ. Мирное же сожителство націй, живущихъ въ перемежку, не имѣющихъ возможности разграничить свои сферы дѣйствія, встрѣчаетъ сильное противодѣйствіе въ существѣ буржуазнаго общества, основой котораго являются *конкуренція*, антагонизмъ различныхъ слоевъ народа. Правда, отъ времени до времени эта конкуренція вызываетъ обратныя дѣйствія: при извѣстныхъ условіяхъ и даже очень часто всѣ классы буржуазнаго общества пытаются положить конецъ конкуренціи, когда она наноситъ имъ вредъ. Но имущіе классы знаютъ для этого только одно средство—*монополію*, привлекая отдѣльныхъ классовъ, мѣстностей, національностей на счетъ остальныхъ. Отъ средневѣковыхъ цеховъ и городскихъ заставъ до современныхъ покровительственныхъ пошлинъ и картелей передъ нами цѣлый рядъ попытокъ устранить конкуренцію при помощи монополіи. Но это значитъ не что иное, какъ на мѣсто противорѣчій, создаваемыхъ конкуренціей, поставить противорѣчія еще болѣе рѣзкія и болѣе подавляющія.

Пролетаріатъ пытается вытѣснить изъ своихъ рядовъ конкуренцію съ ея вредными послѣдствіями совсѣмъ инымъ путемъ. Его оружіе не *монополія*, а *солидарность*. Это дало ему возможность съ успѣхомъ преодолѣть въ своихъ рядахъ всѣ тѣ противорѣчія, которыя тѣмъ сильнѣе раскалываютъ буржуазный міръ, чѣмъ болѣе онъ пытается устранить конкуренцію“.

Вышли изъ печати слѣдующія изданія:

1. **К. КАУТСКИЙ.** Перспективы русскаго освободительнаго движенія 3 к
2. **Г. ШТРЕБЕЛЬ.** Профессіональное движеніе и социалдемократія 4 „
3. **Е. С. ЛЕВИНА.** Въ темную ночь 3 „
Перепечат. изъ № 25 („Arbeiterstimme“).

П Е Ч А Т А Ю Т С Я:

4. Мелкобуржуазный социализмъ на еврейской почвѣ.
(Критика „теоріи“ сіонистовъ-соціалистовъ).
5. **М. ШИШЕЛЬ.** Экономическіе перевороты и развитіе социалдемократіи.

Главный Складъ издательства въ книжныхъ магазинахъ

→ « Т Р У Д Ъ » ←

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Невскій просп., № 60.

МОСКВА.

Тверская ул., № 38.

PA

2869